

К ИСТОРИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИИ: ВЫГОТСКИЙ, ЛУРИЯ, КОФФКА, ЛЕВИН И ДР.

А. Ясницкий

Множественные неформальные личные связи (informal personal network) советских ученых «круга Выготского» и немецко-американских ученых—основателей и представителей гештальт-психологии отмечались неоднократно, но никогда не были специально исследованы. Данная работа представляет первое такое исследование транснациональной научной сети исследователей в СССР, Германии и Соединенных Штатах на основе анализа архивных материалов и публикаций межвоенного периода. Интенсивные связи и плодотворные научные контакты между двумя группами исследователей описаны в данной работе под общим названием «культурно-исторической гештальтпсихологии». Статья завершается выводом, что это направление психологических исследований, зарождавшееся в Советском Союзе и за его пределами в довоенное десятилетие 1930х, в послевоенный период мутировало и трансформировалось в советскую официальную квази-марксистскую «теорию деятельности».

Ключевые слова: Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, К. Коффка, К. Левин

Пролог

О связях группы Выготского с группой гештальт-психологов сказано много—и почти ничего. Сказано много в том смысле, что в громадном количестве публикаций упоминаются какие-то эпизоды, например, контакты Льва Выготского и Курта Левина во время пребывания последнего в Москве, проездом, в 1933 году или, другой пример, сотрудничество берлинской аспирантки и ученицы Левина Блюмы Зейгарник с Выготским по ее возвращении в Москву в начале 1930х. И в то же время, ни история этих контактов и связей, ни их содержательная сторона, как это ни поразительно, так и не были исследованы и раскрыты в публикациях. Среди исследований, которые наиболее близко подошли к теме взаимоотношений между советскими представителями Круга Выготского и немецко-американскими гештальтистами следует выделить работу «Гештальт-психология в Советском Союзе», в которой прослеживаются некоторые линии взаимодействий между советскими исследователями и их немецкими коллегами в период до так называемой «реактологической дискуссии» (1931) (Scheerer, 1980). Определенный интерес представляет также недавняя работа о роли диалектического материализма в истории наук о жизни и человеке, в которой показывается, как физиология высшей нервной деятельности И.П. Павлова постепенно трансформировалась в результате критики его сотрудников-марксистов, настаивавших на соединении павловского атомизма и механицизма с гештальтистским холизмом (Todes & Kremontsov, 2010). Наконец, определенный интерес представляет и недавняя попытка содержательного анализа идей Левина и Выготского о роли практики в социальных исследованиях (Chaiklin, 2011), но и это исследование заслуживает нашего внимания лишь как введение в систематическое изучение связей между идеями этих двух ученых.

Данная работа ограничивается лишь историей развития и деятельности неформальной системы личных контактов (informal personal network) между советскими исследователями круга Выготского-Лурии (о "круге Выготского" см. Yasnitsky, 2009, 2011) и гештальтпсихологами в Германии и Соединенных Штатах в межвоенный период. Систематический анализ их теоретических построений и экспериментальных практик остается, таким образом, за рамками этого исследования. Предварительный набросок

истории «культурно-исторической гештальт-психологии» был опубликован недавно в журнале Вопросы психологии в рамках исследования специфики изоляционизма советской психологии в довоенный период (Ясницкий, 2012а).

1925: Европейские поездки Выготского и Лурия

Заочное знакомство Выготского с гештальтпсихологами состоялось не позднее конца 1924 года, и уже 22 декабря 1924 года в Инстуте экспериментальной психологии в Москве Выготский сделал доклад под названием «О новой Берлинской психологической школе» (А. Р. Лурия, 1926, р. 251). Тем не менее, трудно предположить, что автор доклада был лично знаком с берлинскими исследователями в декабре 1924 года. Скорее всего первые личные знакомства между советскими исследователями круга Выготского и «гештальтистами» завязались летом 1925 года во время европейских поездок Выготского (Van der Veer & Zaverhneva, 2010; ван дер Веер & Завершнева, 2012) и Лурия (Е. А. Лурия, 1994; Ясницкий, 2012b). Выготский и Лурия совершали свои поездки независимо друг от друга и по разным поводам, но при этом известно, что летом 1925 года оба побывали в Германии, в частности, в Берлине.

В своей поездке в Европу Александр Лурия лишь сопровождал своего отца, Романа Альбертовича Лурия, известного врача и профессора медицины во время его обычного визита в Европу, проводившегося с целью ознакомления с передовыми профессиональными практиками и поддержания контактов с европейскими специалистами. В свою очередь, Выготский был направлен в спонсированную Наркомпросом поездку на конференцию по проблемам воспитания глухих (education of the deaf), проходившую в Лондоне в июле 1925 года.

Во время своих поездок и Выготский и Лурия провели некоторое время в Берлине и установили знакомства с исследователями круга гештальтистов. Ни та, ни другая поездка не были подробно запротоколированы или в полной мере отражены в каких-либо известных нам документальных материалах, потому мы можем судить о берлинских событиях того времени лишь по случайным, эпизодическим и фрагментарным упоминаниям в различных источниках. Двое из основателей гештальт-психологии в то время сами были в заграничных поездках в Соединенных Штатах: Курт Коффка в 1924-1925 преподавал и выступал с докладами в Корнелльском университете (Cornell), Университете Чикаго (University of Chicago), в Висконсинском университете (Wisconsin) и др. (Narrower, 1971)¹, а Вольфганг Кёлер провел учебный год 1925-1926 в качестве приглашенного профессора (visiting professor) в Кларкском университете (Clark University). Таким образом, из всех лидеров гештальт-психологии в Берлине в это время наиболее вероятно могли быть лишь Макс Вертхаймер (Max Wertheimer) и Курт Левин, но документального подтверждения знакомства Лурии или Выготского с этими учеными у нас сейчас нет.

Тем не менее, известно, что А.Р. Лурия познакомился с исследователями круга Курта Левина еще в 1925 году и даже принял участие в экспериментальном исследовании гнева как динамической проблемы ученицы Левина Тамары Дембо (Dembo, 1931; Дембо, 1931/2001). Достаточно хорошо известна полуанекдотическая история о том, как испытуемый 23-летний Лурия якобы выдал резко аффективную реакцию и кричал экспериментатору: «Подождите, Тамара Васильевна, приедете к нам, мы Вам покажем» (Ярошевский & Зейгарник, 1988, р.

¹ Так, к примеру, документально подтверждено, что в середине лета 1925 года Коффка был все еще в Америке и делал доклады в Университете Чикаго (University of Chicago): 2 июля—доклад на тему «Философские аспекты гештальт-теории» (Philosophical Aspects of the Gestalt Theory), прочитанный в университетском Философском клубе (Philosophy Club), а 16 июля прошел другой его доклад под названием «Психическое развитие» (Mental Development).

178). При этом Дембо отзывалась о Лурии как о хотя и несколько трудном, но все же интересном объекте своего исследования (Rosa & Wertsch, 1993, p. 6)².

В свою очередь и Выготский оставил очевидные свидетельства его контактов с психологами-гештальтистами. Хорошо известен текст набросков методологической работы о кризисе в психологии, опубликованных впоследствии в начале 1980х под видом законченной работы под названием «Исторический смысл психологического кризиса» (анализ оригинала этой незаконченной рукописи и опубликованного текста см. в Завершнева, 2009; Завершнева & Осипов, 2010). Так, в этом тексте Выготский утверждал, что, по его личному впечатлению, «большинство влиятельных гештальтпсихологов считают себя марксистами и в научной работе». Там же, Выготский ссылается на «мирный разговор» «с одним из образованнейших психологов», который, в пересказе Выготского, говорил следующее:

Какой психологией занимаетесь вы в России? То, что вы марксисты, ничего еще не говорит о том, какие вы психологи. Зная популярность Фрейда в России, я сначала было подумал об адлерианцах: ведь они тоже марксисты, но у вас – совсем другая психология? Мы тоже социал-демократы и марксисты, но мы также дарвинисты и еще коперникианцы (Выготский, 1982, p. 434).

В своем тексте Выготский нигде не оставил указаний на то, кто был этот «один из образованнейших психологов», однако мы можем предположить, что к своим выводам—верным ли или неверным—о марксистских симпатиях гештальт-психологов Выготский пришел на основании этого либо очень сходного разговора, состоявшегося в ходе его европейской поездки летом 1925 года.

Нет сомнений в том, насколько различными был соотносительный научный авторитет и международная известность советских визитеров и их коллег, берлинских ученых по положению дел на лето 1925 года. Лурия еще не родился, а Выготскому было два года от роду, когда будущий основатель гештальт-теории Макс Вертхаймер начал учиться в университете своего родного города Праги в 1898 году; а ко времени, когда Выготский поступил в Московский университет в 1913 г., Вертхаймер уже провел и опубликовал свои первые экспериментальные исследования, которые составили основу того интеллектуального движения, которое впоследствии стало всемирно известным под названием «гештальт-психология». Затем, к 1925 году, гештальтистская группа в составе амбициозных исследователей-новаторов, Макса Вертхаймера, Курта Коффка и Вольфганга Кёлера, уже основала журнал «Психологические исследования» (*Psychologische Forschung*), специализированное издание, которое с момента своего основания в 1921 году служило основным органом публикации и распространения идей нового психологического течения. Также к 1925 году была опубликована серия книг, излагавших основания новой психологической теории, а наряду с оригинальными немецкими публикациями к середине 1920х вышло и несколько переводных изданий (Koffka, 1912), (Köhler, 1917), (Wertheimer, 1920), (Köhler, 1920), (Köhler, 1921), (Koffka, 1921), (Koffka, 1921/1924), (Wertheimer, 1925), (Köhler, 1921/1926).

В сравнении с количеством первоклассных исследований и солидных публикаций на нескольких языках, вышедших под именами всемирно известных исследователей-гештальтистов, академические достижения Выготского и Лурии были более чем скромны. Таким образом, неудивительно, что достижения западных ученых вызывали у их советских коллег вполне объяснимое почтение и оказывали на них определенное влияние, которое,

² Исходя из того, что работа Т. Дембо была опубликована в 1931 году, можно было бы допустить, что их знакомство с А.Р. Лурией могло состояться как в ходе его первой европейской поездки в 1925 г., так и во время второго его визита в Германию в 1929 г. Однако, известно, что, согласно свидетельству самой Т. Дембо, исследование проводилось в период с 1925 по 1928 гг. (Dembo, 1931, p. 10; Дембо, 1931/2001, p. 539), следовательно, возможность первой встречи А.Р. Лурии с исследователями группы К. Левина в 1929 г. приходится исключить.

впрочем, в области экспериментальных исследований ограничивалось, пожалуй, лишь исследованием Кёлера, изучавшим предметные действия и использование простейших орудий антропоидами на приматологической станции Прусской академии наук на острове Тенерифе у северо-западного побережья Африки; см. (Köhler, 1917), (Köhler, 1921), (Köhler, 1921/1926), (Кёлер, 1930). Эти исследования реплицировались с целью изучения так называемого «практического интеллекта» у детей в исследованиях круга Выготского-Лурии «инструментального периода» 1920х годов.

В 1926 году под редакцией директора Московского государственного института экспериментальной психологии К.Н. Корнилова в Ленинграде вышел сборник статей сотрудников института. В этом сборнике под рубрикой «Из новой иностранной литературы» в русском переводе была опубликована статья Курта Коффка «Самонаблюдение и метод психологии» (Коффка, 1926). Этот текст за два года до его русской публикации был зачитан в качестве доклада на объединенном заседании Британского и Кембриджского Психологических обществ в психологической лаборатории Кембриджского университета 23 февраля 1924 года, а в октябре 1924 г. был напечатан в виде статьи в *The British Journal of Psychology*. Русская публикация представляла собой перевод именно этой публикации (Koffka, 1924).

Выготский и Лурия были заметными и весьма активными участниками в подготовке этой публикации. Так, из двенадцати статей, составивших первые три раздела сборника (I. Общие и теоретические статьи, II. Экспериментальные исследования и III. Обзоры, мелкие статьи), три были написаны Выготским и еще одна — Лурией (эта статья, «Исследование объективных симптомов аффективных реакций», была создана в соавторстве с А.Н. Леонтьевым). Кроме того, на правах ученого секретаря института Лурия также подготовил и обзорную статью «Московский государственный институт экспериментальной психологии в 1924 году», составившую весь последний раздел книги (VI. Научная хроника). На этом основании можно предположить, что и публикация переводной статьи Коффка состоялась в связи с заграничными поездками Выготского и Лурии и по их инициативе. Это предположение подтверждается отчасти и тем обстоятельством, что статья «Самонаблюдение и метод психологии» вышла с предисловием Выготского, которое позволяет нам оценить подлинный смысл этой переводной публикации, как он виделся тогда редакторам сборника.

В своем предисловии Выготский представил автора статьи как «одного из виднейших представителей» «наиболее влиятельного и интересного из всех направлений» западной психологии, «так называемой Gestalt-psychologie», иначе, «теория образа», «психология формы», или же «структурная психология». Смысл и значение этой новой психологической теории, утверждает Выготский на воинствующем большевистском новоязе своего времени, — ее вклад в «напряженнейшую и острейшую войну, в которую вовлечено все, что есть живого в психологии». Это «война» против голого эмпиризма, спиритуалистического и идеалистического субъективизма, витализма, физиологического позитивизма и редукционизма. Такая война, утверждает Выготский, характерна не только для, казалось бы, маргинальной и экзотической марксистской психологии, развиваемой в Советском Союзе, но и для самых передовых научных направлений на Западе. К таким передовым направлениям на первых порах, в 1910е гг., относился и американский бихевиоризм, но пришла пора решительно размежеваться с бывшими попутчиками в борьбе за воистину диалектическую и нередукционистскую психологию биосоциального и культурного развития:

Вчерашние союзники в общей войне против субъективизма и эмпиризма, они, возможно, завтра окажутся нашими врагами — в борьбе за утверждение принципиальных основ социальной психологии общественного человека, за освобождение психологии человека из биологического пленения и за возвращение ей значения самостоятельной науки, а не одной из глав сравнительной психологии. Иначе говоря, как только мы перейдем к

построению психологии как науки о поведении социального человека, а не высшего млекопитающего, так сейчас [же] ясно наметится линия расхождения со вчерашними союзниками (Выготский, 1926, р. 176).

Такая несколько необычная публикация статьи западного, «буржуазного» автора в сборнике работ сотрудников Московского института психологии, выполняла, думается, вполне определенную коммуникативную функцию. Эта статья должна была продемонстрировать читателю, что психология как научная дисциплина как в стране победившего революционного пролетариата, Советском Союзе, так и на Западе сталкивалась с очень сходными проблемами и проходила одинаковые фазы в своем историческом развитии в оппозиции к различным редуционистским психологическим теориям и крайностям спиритуализма, витализма и механизма. В своем предисловии Выготский доказывал, что поиски советской марксистской науки были на самом деле частью более общего, глобального процесса, в который были вовлечены и наиболее прогрессивные западные теории. Таким образом, марксистская психология в СССР и немецкая гештальт-психология берлинской школы, по мысли Выготского, развивались параллельными курсами по направлению к формированию действительно новой и революционной психологической теории:

объективные имманентные движущие силы развития психологической науки действуют в том же направлении, что и марксистская реформа психологии. Чтобы увидеть это, надо только посмотреть на развертывающийся кризис³ в психологии не через узкое окошко нашего спора с эмпиристами, а в масштабе мировой науки (Выготский, 1926, р. 178).

В своем предисловии к публикации Выготский предсказал дальнейшее расхождение между советской психологией и гештальт-теорией, которые, по его мнению в середине 1920х, «будут расти по мере развития обоих течений». Это предсказание оказалось ошибочным. Так сложилось, что если и не вся советская психология, то, по крайней мере, «круг Выготского-Лурии» неуклонно сближался с группой лидеров гештальт-теории и их учениками и последователями на протяжении второй половины 1920х, а особенно в 1930е годы. Исключительно важную роль в этом сближении сыграл Александр Лурия, который с середины 1920-х и до конца своих дней был одним из важнейших и активнейших научных брокеров между западными и советскими учеными.

Таким образом, начало знакомству между двумя группами исследователей было положено в 1925 г. Тем не менее, вряд ли можно говорить о полномасштабном взаимном влиянии их исследований и теоретических работ до 1929 г. Однако к концу 1920-х ситуация существенно изменилась, и не последнюю роль в этом сыграл Девятый международный психологический конгресс, проходивший в сентябре 1929 года в США.

1929: IX International Congress of Psychology и его последствия

В 1929 году планировалось проведение Девятого международного психологического конгресса (IX International Congress of Psychology), первого психологического конгресса за пределами Европы. Психологический конгресс, проходивший в Йельском университете (Yale University) в Нью-Хейвене, штат Коннектикут (New-Haven, CT), должен был начаться сразу по завершении Тринадцатого международного физиологического конгресса (The Thirteenth International Physiological Congress), организованного под эгидой Гарвардского университета (Harvard University), в Бостоне. Аудитория этих двух конгрессов частично

³ В советском издании этого текста, вышедшем в 1982 в первом томе шестотомного собрания сочинений Выготского в издательстве «Педагогика», слово «кризис» изменено на «принцип» (с. 102). Здесь восстанавливается оригинальный текст издания 1926 года.

пересекалась. Думается, что синхронизация места (восточное побережье США) и времени (конец лета-начало осени 1929 г.) проведения этих конгрессов позволила организаторам психологического форума несколько расширить представительство участников, а особенно участников из Европы: так, например, лидер советской физиологии, Нобелевский лауреат И. П. Павлов в 1929 г. впервые принял участие в психологическом конгрессе и был встречен там с овацциями (Duncan, 1980). Помимо Павлова, в этих двух конгрессах впервые приняла участие большая группа советских ученых (Ясницкий, 2010), и Лурия с Выготским не могли не воспользоваться такой возможностью.

Группа Выготского-Лурия заявила два доклада на конгресс в США: первый, доклад Лурии о его работе по методу сопряженной моторики (Luria, 1929/1930), и второй, совместный доклад Выготского и Лурии по материалам их исследований по методу двойной стимуляции (Vygotsky & Luria, 1929/1930). По той или иной причине, Выготский на конгресс не поехал, таким образом, оба доклада в США представлял Лурия. Во время второй и последней своей довоенной заграничной поездки, на IX международный психологический конгресс, проходивший в США с 1 по 7 сентября 1929 года, Лурия предположительно мог, проезжая через Европу, повидаться с европейскими психологами-гештальтистами, Куртом Левиным и его группой, что, впрочем, весьма маловероятно, принимая во внимание то обстоятельство, что свой маршрут из Москвы до порта отбытия Лурия описывал как путешествие «Москва–Париж–Океан — да еще такое быстрое и напряженное» (Е. А. Лурия, 1994, с. 46). Тем не менее, Лурия наверняка встретился с Левиным на самом конгрессе, где его совместный доклад с Л.С. Выготским *The function and fate of egocentric speech* («Функция и судьба эгоцентрической речи») был зачитан утром 4 сентября, в одной сессии с докладом Левина *Die Auswirkung von Umweltkräften* («Влияние средовых сил») (Lewin, 1929/1930)⁴. Левин сделал презентацию на немецком языке, и хотя, вероятно, не все присутствовавшие смогли понять все тонкости идей Левина из его доклада, докладчику удалось с лихвой компенсировать возможные недостатки доклада показом фильма собственного производства, послужившим прекрасной иллюстрацией его теоретическим положениям (Lück & van Elteren, 1990).

⁴ Председателем этой сессии по детскому развитию был Karl Bühler, а другими докладчиками, помимо Лурии и Левина, были Arnold Gesell, Luton Ackerson, Florence Goodenough и заявленный, но не приехавший на конгресс Hoken Kiriara.

Рисунок 1. Маршрут основных известных нам перемещений А.Р. Лурия по восточному побережью Соединенных Штатов в ходе его заграничной поездки с 23 августа по 8-9 октября 1929 г.

После завершения психологического конгресса в Нью-Хейвене Лурия на некоторое время задержался в Америке и совершил целый ряд поездок по городам восточного побережья Америки⁵. Так, в ходе своей североамериканской поездки Лурия нанес визиты в целый ряд крупнейших исследовательских ведущих американских университетов, таких как Колумбийский (Columbia University, Нью-Йорк; последняя неделя августа), Йельский (Yale University, Нью-Хейвен; приблизительно с 1 по 10 сентября), Кларкский (Clark University,

⁵ Из письма Лурии его приятелю и сотруднику, кинорежиссеру и новатору теории искусства Сергею Эйзенштейну: «Сейчас я делаю “a round trip” по Америке и пишу Вам из Worcester’a (завтра отправляюсь в Бостон). Надо ли говорить, что видел много интересного? Америка будет Вам очень занята!»

Вустер) и, предположительно, Смит колледж (Smith College, Нортгемптон) (оба не позднее 18-20 сентября), Гарвардский (Harvard University, Бостон; с 21 сентября, документально подтверждено его пребывание там 25 сентября) (маршрут перемещений Лурии на северо-восток от Нью-Йорка см. на Рисунке). По всей видимости, из Бостона Лурия вернулся в Нью-Йорк, после чего совершил еще одну поездку, в юго-западном направлении, в Принстонский университет (Princeton University, Принстон; предположительно, конец сентября-начало октября); о зарубежной поездке Лурии 1929 года см. специальное исследование (Ясницкий, 2012b).

Мы не знаем точно, когда и при каких обстоятельствах познакомились Лурия и Курта Коффка, с 1924 г. работавший за пределами Германии, по большей части в США. В 1929 г. Коффка был профессором Смит колледжа (Smith College) в Нортхемтоне, штат Массачусетс (Northampton, MA), расположенном приблизительно в 170 километрах на запад от Бостона, в 100 километрах на запад от Вустера, штат Массачусетс (Worcester, MA) и в 30 километрах на север от Спрингфилда (для иллюстрации см. рисунок 1).

Тем не менее, известно, что в 1929 г. они уже были знакомы, более того, какое-то время снимали вместе жилье в Вустере, штат Массачусетс (Worcester, MA), и даже совершили несколько совместных поездок по окрестностям⁶. По окончании своего вояжа по Америке Лурия в середине октября отбыл в Европу⁷ и ориентировочно с двадцатых чисел октября был в Старом Свете, на континенте. Если путешествие Лурии проходило в соответствии с намеченными планами, то проездом по пути домой он задержался в Берлине в период с 25 октября по 5 ноября, где планировал встретить как своих немецких коллег-психологов, так и Сергея Эйзенштейна, путешествовавшего в то время по Европе (см. Таблицу)⁸.

Таблица.

Реконструкция основных документально подтвержденных событий и перемещений Лурии в ходе его заграничной поездки по Европе и Соединенным Штатам летом-осенью 1929 г.

Дата (число, месяц, день недели)	Местонахождение, событие	Ближайший университет	Источник	Комментарии
17 августа 1929, сб.	Отправление из Франции, лайнер <i>Беренгария</i> (RMS <i>Berengaria</i>)		(Е. А. Лурия, 1994, с. 45-46)	Маршрут следования <i>Беренгарии</i> : Саутгемптон

⁶ Из письма Лурии Левину от 20 сентября 1929, написанного на бланке Кларкского университета (Clark University) в Вустере: «Ich bin jetzt in Clark und fahre morgen nach Harvard. Zwei Tage verbrachte ich bei Koffka in dem Dachzimmer, das Sie gut kennen, und wir machten reizende Ausflüge».

⁷ В архиве Лурии сохранилось несколько писем, написанных 11, 12 и 13 октября 1929 с борта парохода S.S. Statendam, направлявшегося из Америки в Европу (Е. А. Лурия, 1994, pp. 51-55).

⁸ Из письма Лурии Эйзенштейну: «Пишу Вам наудачу: надеюсь, что это письмо Вас застанет в Берлине. Его передаст Вам мой приятель — Prof. Lewin из Берлинского Психологического Института. Мы много говорили с ним здесь в Америке и он чрезвычайно заинтересовался Вашей «спиралью»; он специально работает над вопросом о движении человека под влиянием сил, исходящих от него и от среды, и ему удалось экспериментально нащупать кое-что, подтверждающее Ваши предположения. Я уверен, что он будет Вам чрезвычайно интересен (так же — как и Вы ему). Попросите его, чтоб он показал Вам отрывки из своих фильм [sic], где он заснял экспериментально вызванное движение ребенка по кругу (!!). Я надеюсь, что застану Вас в Берлине, и очень жду этой встречи. Я буду там 25 октября—5 ноября» (Е. А. Лурия, 1994, pp. 122-123). Т.ж., из письма Лурии Левину от 20 сентября 1929: «Ich hoffe Sie ende Oktober in Berlin zu sehen.»

	Посадка: Шербур (из Парижа, на поезде)			(Southampton) >> Шербур (Cherbourg)>> Нью-Йорк (New York)
23 августа 1929, пт.	Прибытие в Нью-Йорк	Колумбийский (Columbia University)	(Е. А. Лурия, 1994, с. 48) ⁹	
с 23 августа 1929	Проживание в Нью-Йорке: <i>International House</i> , 500 Riverside Drive		(Е. А. Лурия, 1994, с. 50)	<i>International House</i> построен в 1924 и существует до настоящих дней
25 августа 1929, вс.	Прогулка по центру Нью-Йорка (Манхеттен), Уолл Стрит (Wall Street), «китайский город» (China town)		(Е. А. Лурия, 1994, с. 52-53)	
1 сентября 1929, вс.	Начало конгресса, Нью-Хейвен (New Haven, CT), Йельский университет (Yale University)	Йельский университет (Yale University)	(Cattell, 1930)	
3 сентября 1929, вечер, вт.	Доклад Лурии <i>A new method of expressive motor reactions in studying affective traces</i> («Новый метод экспрессивных моторных реакций в изучении следов аффекта»)		(Cattell, 1930, pp. xix, 294-296)	Секция «Юридическая психология» (<i>Legal Psychology</i>), подсекция «Детекция» (<i>Detection</i>)
4 сентября 1929, утро, ср.	Совместный доклад Выготского и Лурии <i>The function and fate of egocentric speech</i> («Функция и судьба эгоцентрической речи»)		(Cattell, 1930, pp. xxii, 464)	Секция «Развитие ребенка» (<i>Child Development</i>) В этой же секции состоялся доклад К.Левина
7 сентября 1929, сб.	Конец конгресса, Нью-Хейвен (New Haven, CT), Йельский университет (Yale University)		(Cattell, 1930)	
10 сентября	Нью-Хейвен (New Haven, CT)		(Е. А. Лурия, 1994, с. 50-	

⁹ См. также маршруты Беренгарии в 1929 году: <http://www.cimorelli.com/cgi-bin/safescripts/selectsafe.asp?Beginwith=B&Sortname=Shipname&whichpage=109>

1929, вт.			51)	
18-20 сентября 1929, пт.	Вустер (Worcester, MA)	Кларкский университет (Clark University); Смит колледж (Smith College)	АНАР Lewin Archive	Письмо Лурии Левину от 20 сентября 1929
21 сентября 1929, сб.	Переезд из Вустера (Worcester, MA) в Бостон (Boston, MA)	Гарвардский университет (Harvard University)	АНАР Lewin Archive	Письмо Лурии Левину от 20 сентября 1929
25 сентября 1929, ср.	Бостон (Boston)		(Е. А. Лурия, 1994, с. 53)	
Конец сентября-начало октября, 1929	Предположительно, Принстон (Princeton, NJ)	Принстонский университет (Princeton University)	(А. Р. Лурия, 1930, с. 85)	
8 или 9 октября 1929, вт. или ср.	Отбытие Лурии из Нью-Йорка в Европу (предположительная дата)			<i>Статендам</i> прибыл из Роттердама в Нью-Йорк в октябре 1929 г. дважды: 7 и 18 октября ¹⁰ .
11-13, октября 1929, пт.-вс.	Обратное путешествие в Европу, лайнер Статендам (SS <i>Statendam</i>)		(Е. А. Лурия, 1994, с. 53-56)	
13, октября 1929, вс	Прибытие Лурии в Европу: Роттердам, Нидерланды (дата и место прибытия предположительные)			
25 октября 1929, пт.	Планируемое прибытие Лурии в Берлин	Берлинский институт психологии	а) (Е. А. Лурия, 1994, с. 122-123), тж. б) АНАР Lewin Archive	а) письмо Лурии Эйзенштейну б) письмо Лурии Левину от 20 сентября 1929
5 ноября 1929, вт.	Планируемый отъезд Лурии из Берлина			
Не позднее 22 ноября 1929, пт.			АНАР Lewin Archive	Письмо Лурии Левину от 22 ноября 1929

¹⁰ См. также маршруты *Статендама* в 1929 году: <http://www.cimorelli.com/cgi-bin/safescripts/selectsafe.asp?FMONTH=10&FDAY=01&FYEAR=1929&Beginwith=S&Sortname=&whichpage=6>

Возобновление контактов между советскими представителями круга Выготского-Лурия и берлинской группой гештальт-психологов повлекло за собой заметные последствия. Контакты и коммуникации между «выготскианцами» и «левинианцами» привели к интенсивному обмену публикациями, материалами, научными идеями, информацией о методах экспериментальных исследований и результатами этих исследований. Некоторым из этих работ суждено было сыграть весьма заметную роль в развитии теории Выготского¹¹.

В результате научного обмена усилиями представителей «круга Выготского» были инициированы переводы важнейших работ гештальт-психологов и публикация их в Советском Союзе, например, «Исследование интеллекта человекообразных обезьян» Вольфганга Кёлера (Кёлер, 1930) (перевод с немецкого Л. В. Занкова и И. М. Соловьева, под редакцией и с вступительной статьей Л. С. Выготского) или «Основы психического развития» Курта Коффка (Коффка, 1934) (предисловие Л.С. Выготского; авторизованный перевод Р. и Б. Левин¹²; вычитка и редакция набора книги А.Р. Лурия¹³). Впоследствии шли переговоры между Лурией и, с другой стороны, Коффка и Левиным о русском переводе и публикации в СССР более поздних их работ «Principles of Gestalt psychology» (Koffka, 1935), «A Dynamic Theory of Personality» (Lewin, 1935a) и «Principles of Topological Psychology» (Lewin, 1936), но этим проектам не суждено было реализоваться.

Помимо издательских проектов, Лурию, Левина и Эйзенштейна в ту пору объединял их общий интерес к проблеме фиксации и передачи психологических явлений средствами зарождающегося языка киноискусства. Вклад Эйзенштейна в теорию и практику кинематографии огромен и самоочевиден, а источники об Эйзенштейне-режиссере и теории искусства с трудом поддаются подсчету. Также, существует целый ряд исследований как роли психологии Левина в становлении кино, так и о роли кино в становлении психологии Левина (Lück & van Elteren, 1990; Van Elteren, 1992), также есть литература и о взаимном влиянии Левина и Эйзенштейна (Bulgakowa, 1992; Lück & van Elteren, 1990). Роль Лурии в кинематографически-психологических экспериментах Эйзенштейна и Левина до сих пор не прослеживалась. И все же есть основания полагать, что, несмотря на то, что мы до сих пор не знаем фильмов Лурии, снятых им в ходе его психологических экспериментов в целях иллюстрации или для апробации его научных идей, его вклад в синтез кино и психологического исследования также представляет немалый интерес.

По возвращении из своей заграничной поездки 1929 года Лурия, очевидно вдохновленный кинематографическими экспериментами Левина, развернул деятельность по созданию Международной кино-ассоциации и международному обмену фильмами, снятыми

¹¹ Например, из письма Выготского Лурии от 12-16 июня 1931: «Получил от Lewin'a книгу об аристотелевском и галилеевском мышлении в психологии. Замечательный ум. Но тем яснее линия, ограничивающая нашу мысль, — новую для психологии наших дней» (написание этого письма отняло несколько дней, таким образом, эта запись была сделана 16 июня) (Выготский & Пузырей, 2004, р. 28). В письме Р.Е. Левиной, т.е. другом письме, написанном в тот же день, 16 июня 1931, Выготский также упоминает книгу Курта Левина и дает ей весьма высокую оценку в контексте глобальных процессов, проходящих в психологии того времени: «Прошлое заседание лаборатории и завтрашнее посвящены беседе Zeigarnik о работах Берлинского института. Получил я новую книгу Lewin'a о методологической проблеме психологии. Вижу по всему: в психологии (мировой) совершается на наших глазах великое. Не чувствовать этого и принижать значение того, что происходит в этих страстных, трагических попытках найти путь к изучению души, которые составляют смысл кризиса (например, говорить просто о путанице в психологии, о том, что она не наука etc.) — значит по-обывательски смотреть на вещи, на историю человеческой мысли» (Выготский & Пузырей, 2004, р. 30)

¹² Русские однофамильцы Курта Левина, не имевшие с ним никаких родственных связей. Одним из переводчиков была, наиболее вероятно, московская ученица Выготского и Лурии, Роза Левина.

¹³ Из письма Лурии его жене Л.П. Липчиной от 18 сентября 1933, из Харькова: «...загрузка страшная: 1) лекции, 2) химия, 3) корректура Коффки, 4) организационная и исследовательская работа.» (Е. А. Лурия, 1994, р. 85).

в ходе психологических исследований. Лурия информировал Левина о том, что он и его сотрудники основали лабораторию в Институте кинематографии: это означало, что, наряду с необходимостью читать там лекции и руководить студенческими работами режиссерского отделения, у них по совместительству появилась возможность производить новые интересные фильмы¹⁴. В этой связи Лурия планировал наладить обмен кинопродукцией между советскими и немецкими психологами и собирался выслать Левину фильмы, снятые Лурией и его сотрудниками в СССР в ходе исследований внимания и арифметического счета у детей. В свою очередь, Лурия ждал от Левина фильмы, демонстрирующие исследования человекообразных (по всей видимости, снятые Кёлером в ходе его экспериментов с приматами на острове Тенерифе), а также ставший уже классическим фильм Курта Левина, запечатлевший маленькую девочку Ханну, пытавшуюся сесть на камень, для чего ей надо было повернуться к нему спиной, что оказалось для нее практически непреодолимой задачей. Тем не менее, такой обмен очевидно сталкивался с определенными сложностями цензурного порядка и, хотя Лурии по положению дел на начало 1930 г. и удалось получить разрешение на вывоз кинопродукции из Советского Союза, нам не известно, насколько такой обмен фактически удалось наладить¹⁵. Так или иначе, киносъемка становится одним из важных инструментов для группы Выготского-Лурия. Так, к примеру, по положению дел на 1934 г. в состав новообразованного Отдела психологии Украинской психоневрологической академии в Харькове под руководством Лурии официально входила кино-лаборатория и кино-ателье для производства научных фильмов (Гальперин, 1934, р. 33).

К настоящему дню исследователям не удалось обнаружить кинопродукцию, снятую группой Выготского-Лурия в ходе их психологических экспериментов. Тем не менее, существуют кое-какие документально подтвержденные свидетельства кинематографической деятельности этой группы, такие как фотографии, сделанные в ходе экспериментальных исследований. Нам известны по меньшей мере две публикации, в которых представлены кадры, зафиксировавшие исследователя и ребенка, сидящих за столом и занятых какой-то совместной деятельностью в ходе экспериментального исследования (Выгодская & Лифанова, 1996, р. 158; А. Н. Леонтьев, 1931, pp. 85-86, 160, 167). К сожалению, в виду очень низкого качества этих снимков представляется крайне затруднительным с точностью идентифицировать личность экспериментатора.

Говоря о влияниях на Лурию и Выготского в области использования возможностей кинематографического оборудования в психологических исследованиях, думается, помимо Эйзенштейна и Левина, нельзя не упомянуть еще одного исследователя-инноватора. Это Николай Александрович Бернштейн (1896-1966), значительно обогативший как теорию, так и экспериментатику работ группы Выготского-Лурия. Бернштейн, исследовавший моторику человека в естественных условиях его функционирования в ходе осмысленной, зачастую общественно-значимой деятельности, решительно пересмотрел основания психофизиологического исследования и разработал целый ряд оригинальных

¹⁴ Из письма Лурии Левину от 22 ноября 1929 г.: «Ueber die Internationale Film-Assoziation habe ich mit Prof. Schatzki gesprochen. Er ist bereit in dieser Arbeit teil zu nehmen; es wäre aber am besten, wenn der Generalsekretär an ihn persönlich schreiben möchte. Ich bin überzeugt, dass er ausserordentlich interessante Films liefern konnte. [...] Ich bekam heute Ihr Schreiben über die Films und werde in nächsten Tagen alles in Ordnung bringen. Ich hoffe Ihnen in der nächsten Zeit das Film über das Kindliche Zählen und die Aufmerksamkeit zu senden und werde auf den Affen und Hanna film warten. Mein Laboratorium ist jetzt mit dem Kino-Institut verbunden, wir gründen dort ein spezielles Psychol. Laboratorium, mein Assistent hat dort Vorlesungen und Leitung der Doktor-Arbeiten (das heisst: Filme, die als Doktor-Arbeiten für Studenten des Regisseur-Abteilungen bestimmt sind), und wir hoffen jetzt [ein] p[a]ar schöne Filme zu machen»

¹⁵ Из письма Лурии Левину от 12 декабря 1929 г.: «Heute bekam ich die Lizenz für die Einführung der 300 Meter Film, die wir austauschen wollen; unser Film über die Entwicklung des Zählens ist teilweise im Druck, teilweise in Montage und ich hoffe es Anfang Februar zu senden. Die Lizenz liegt in Berlin, Russische Handelsvertretung, Kino-Abteilung, bei Marianow; es wäre am besten, wenn Sie ihn anrufen möchten»

исследовательских методов, позволявших ему при помощи кинооборудования с большой точностью фиксировать и изучать «биомеханику» человека (Фейгенберг, 2004). Более того, по всей видимости, можно предположить, что эксперименты с кинооборудованием проходили не только под влиянием, но и при непосредственном участии, и даже, возможно, руководстве Бернштейна. Подтверждением этому предположению служит фотография Выготского, сделанная, по всей видимости, по окончании его лабораторного исследования при участии его жены и дочери Гиты. Фотография была опубликована в биографической книге Г.Л. Выгодской и Т.М. Лифановой с подписью: «После окончания эксперимента. (Кадр из фильма, снятого Николаем Александровичем Бернштейном. Испытуемая—дочь Льва Семеновича—на коленях у матери)» (Выгодская & Лифанова, 1996, р. 159). Источник фотографии и местонахождение этого фильма нам в настоящий момент неизвестны.

1930-31: Миграции русскоязычных учеников Левина

Начало 1930х ознаменовалось масштабными миграциями берлинских учеников Курта Левина. Причин тому немало: это и Великая депрессия, охватившая индустриально развитые страны Запада в 1929 году, и сложности трудоустройства женщин, тем более евреек, в области науки в Веймарской республике, и окончание зарубежной работы (дипломатической, торговой и т.п.) советских граждан – мужей некоторых сотрудниц Левина, и другие. Одна группа его учениц по завершении обучения в Германии переехала в подмандатную Палестину: так, например, достоверно известно, что еще в 1930е годы на территории будущего Израиля нашла себе вторую родину Сара Фаянс (*alias* Сара Фаянс-Глик, Sara Fajans-Glick)¹⁶. В разное время и при не известных автору этой работы обстоятельствах туда же переехали и несколько других сотрудниц Левина, так что к середине 1960х в Израиле оказалась значительная группа «левинианцев», представленная такими именами как уже упомянутая Сара Фаянс, а также Сара Форер (Sara Fohrer), Сара Шлессберг (Sarah Schlossberg, *alias* Sliosberg) и Вера Малер (Wera Mahler)¹⁷.

Ни одна из русскоязычных сотрудниц Левина не уехала в Израиль. Тем не менее, по разным причинам, из числа учениц Левина в начале 1930х переехали жить и работать в другие страны все его русскоязычные сотрудницы: Тамара Дембо (Tamara Dembo) (в 1929 в Голландию, в 1930 – в США), Гита Биренбаум (Gita Birenbaum) (в 1930 г., в СССР), Мария Овсянкина (*alias* Рикерс-Овсянкина, Maria Rickers-Ovsiankina) (в 1930, в США), Нина Каулина (Nina Kaulina) (в 1930 г., в СССР), и Блюма Зейгарник (Bluma Zeigarnik) (лето 1931 г., в СССР).

Костяк американской русскоязычной группы, таким образом, сформировали Дембо и Рикерс-Овсянкина. По завершении их исследований в Берлине, в начале 1930х годов в Соединенных Штатах оказываются Тамара Дембо (Tamara Dembo) (Van der Veer, 2000) и Мария Рикерс-Овсянкина (Maria Rickers-Ovsiankina). К ним несколько позже присоединяется и еще один русскоязычный психолог с образованием, полученным в Германии, в Йенском университете. Это Евгения Ханфманн (Eugenia Hanfmann), которая стала подругой, коллегой и соавтором этих двух учениц Курта Левина в Америке (Woodward, 2010), свидетельством чему являются их совместные исследования и публикации (Dembo & Hanfmann, 1933, 1934, 1935; Hanfmann, Rickers-Ovsiankina, & Goldstein, 1944). Также, ей впоследствии, наряду с другим русскоязычным американским психиатром и исследователем Джейкобом Казаниным (Jacob Kasanin) суждено было сыграть ключевую роль в распространении идей Выготского и

¹⁶ См., например, письмо Форер к Левину от 26 октября 1935 г., отправленное из Иерусалима, с обратным адресом в Тель-Авиве (Lewin Archive, АНАР).

¹⁷ См. письмо Тамары Дембо Альфреду Мэрроу от 19 февраля 1965 г. (Lewin Archive, АНАР)

его окружения в Северной Америке в качестве последователя Выготского (Hanfmann & Kasanin, 1937, 1942; Kasanin, 1944; Kasanin & Hanfmann, 1938) и переводчика его работ на английский язык (Vygotsky, 1939, 1962).

В Советском Союзе группа «левиновцев» была представлена Биренбаум, Каулиной и Зейгарник. Гита Биренбаум переехала в СССР в 1930 г. Нина Николаевна Каулина (Ярошевский & Зейгарник, 1988, р. 175), в прошлом аспирантка Курта Левина (Lewin, 1935c, р. 244), в Берлине проводила так и оставшееся неопубликованным исследование «ненапряженных систем» (nontense systems), показавшее что “у испытуемых, только следивших за ходом эксперимента на прерванное задание, но не выполнявших задание, не наблюдался феномен лучшего воспроизведения незавершенных действий” (Зейгарник, 1981, р. 43). Нина Каулина также вернулась в Советский Союз в 1930 году¹⁸. По приезде Каулина и Биренбаум приняли участие в семинаре сотрудников Выготского и Лурии и сделали доклады о своих исследованиях в Берлине. Так, Каулина докладывала 29 октября 1930 на тему «Психологическая зарядка и форма в процессе запоминания», а доклад Биренбаум под названием «О забывании намерений» состоялся вскоре после этого и прошел 9 ноября 1930 г. (Ахутина, 2012, в печати). Летом 1931 переехала в СССР и Зейгарник.

Думается, переезд сотрудниц Левина в Советский Союз оказал значительное влияние на работу Выготского, Лурии и их окружения. Характерную восторженную реакцию на исследования группы Левина мы находим в письме Выготского Лурии из Москвы в Среднюю Азию от 12 июня 1931 года: «Приехала Zeigarnik. Десятого в заседании лаборатории она сделала доклад о новых работах (успех и неуспех Hoppe, Sättigung, переключение Spannung на другие пути – проблема Ersatz в удовлетворении потребностей). Хорошо. Изяшно. Умно. Немного от рукоделья дамского. Вполне в стиле Lewin'a» (Выготский, 2004, р. 27). Более того, по возвращении в Советский Союз бывшие ученицы Левина включились в исследовательскую работу в Москве в Институте по изучению высшей нервной деятельности при Секции естествознания Комакадемии, затем, после реорганизации этого института, в результате чего он вошел в состав Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), в психоневрологической клинике ВИЭМа. Нам известно, что в начале 1930х исследовательской работой в Москве занимались Биренбаум и Зейгарник¹⁹. Известно также, что в частной переписке обсуждалась и их совместная работа с Каулиной. Так, в своем письме А.Р. Лурии от 12 июня 1931 года Л.С. Выготский упоминает Каулину в контексте обсуждения трудоустройства только что переехавшей из Берлина Зейгарник: «Как быть с ее работой? ... Она хочет работать там, где мы. Верная мысль: Бирнбаум (sic), она, Каулина + мы – это сила» (Выготский, 2004, р. 27) (публикатор писем

¹⁸ Достоверно известно, что отъезд Биренбаум из Берлина предшествовал переезду Зейгарник. В архиве Тамары Дембо в Кларкском университете сохранилось недатированное письмо от Зейгарник к Дембо, на русском языке, в котором та упоминает вынужденный переезд Биренбаум из Берлина в Москву, связанный с переводом туда ее мужа по служебной линии, и среди прочего пишет: «...можешь себе представить, что мне не особенно приятно, что все так разлетелось: одна в Америке [т.е. Дембо], другая в Париже [т.е. некая Дина, фамилию установить не удалось], третья в Москве [т.е. Биренбаум]». В другом письме, датированном 9 января 1931 г., Зейгарник рассказывает Дембо о своих проблемах личного характера и пишет «мне очень больно, что ни тебя ни Гитты [sic] не было». На основании этой переписки можно с определенной степенью уверенности датировать переезд Биренбаум в Москву 1930 годом. Также, пожалуй, стоит принять во внимание указание на то, что Биренбаум являлась сотрудницей Психологического института в Москве с 1930 года, которое можно найти в биобиблиографическом справочнике *The Psychological Register* издания 1932 года (Murchison, 1932, р. 1192). Датировку переезда Биренбаум и Каулиной 1930 годом удалось также подтвердить с помощью только что опубликованного документа из архива А.Р. Лурии, содержащего список и даты научных докладов, сделанных участниками круга Выготского в 1930-1931 гг. (Ахутина, 2012, в печати).

¹⁹ Личное дело Г.В. Биренбаум, старшего научного сотрудника Института по изучению высшей нервной деятельности: АРАН. Ф.350. Оп.3. Д.282. ЛЛ.163-168об; личное дело Зейгарник Б.В., научного сотрудника Комакадемии: АРАН. Ф.350. Оп.3. Д.293. ЛЛ.84-86.

очевидно неверно разобрал рукопись письма и ошибочно интерпретировал последнюю фамилию как «Казмина»). Тем не менее, об участии Каулиной в исследовательских проектах сотрудников Выготского до середины 1930х ничего достоверно не известно.

1929-1932: Среднеазиатские экспедиции

Идея проведения экспериментальных исследований влияния культурных сдвигов, вызванных модернизацией и индустриализацией послереволюционного времени, на психические процессы, возникла впервые, по всей видимости, у Выготского во время его поездки в Среднюю Азию весной 1929 года по приглашению из Средне-Азиатского государственного университета (САГУ) в городе Ташкенте. В начале апреля Выготский отбыл в Ташкент, Узбекистан (Выгодская & Лифанова, 1996, р. 131) и пробыл там предположительно месяц до начала мая²⁰. Тем не менее, за столь недолгий срок пребывания в Средней Азии Выготский начал экспериментальную работу в местных условиях. «Я ставлю опыты, надеюсь привезти кое-что» (Выготский & Пузырей, 2004, р. 16), «кое-какие опыты ставим, но не знаю, удачно ли» (Выготский & Пузырей, 2004, р. 17), - писал Выготский в своих письмах Лурии из Ташкента.

Мы ничего не знаем ни о ходе этих экспериментов в Средней Азии, ни об их результатах, но уже через полгода после краткосрочной азиатской поездки Выготского проект продолжения этого исследования приобрел, по всей видимости, конкретные очертания. Так, уже в декабре 1929 года Лурия пишет Курту Левину о том, что их с Выготским посетила идея провести психологическое исследование «примитивных народов» Сибири или Центральной Азии, при этом предполагалось, что большая экспедиция состоится летом 1931 г. В то же время, очевидно, на ту пору у Лурии и его единомышленников не было ясного представления о том, какая организация могла бы быть заинтересована в проведении, и, соответственно, финансировании таких исследований. Лурия предполагает, что Академия наук СССР или Институт востоковедения могли бы поддержать такой проект, но при этом, скорей всего, лишь частично финансировать его. Проблема организационной поддержки и финансирования экспедиции составляла, похоже, одну из наиболее существенных трудностей в организации подобного исследования, и Лурия обращается к Левину с вопросом, не известны ли тому какие-либо административные структуры в Германии, потенциально способные проспонсировать этот проект, хотя бы на треть. Поддержка иностранных учреждений кажется Лурии в конце 1929 г. возможным выходом из сложившегося сложного финансового положения, и он рассчитывает также на помощь каких-либо немецких и американских институтов или швейцарского Международного бюро по просвещению (Bureau International d'Education, International Bureau of Education) под руководством Жана Пиаже (Jean Piaget), незадолго до этого назначенного на пост директора этой организации, ставшей, в конечном счете, одним из организационных прототипов ЮНЕСКО (UNESCO; основана лишь после Второй мировой войны, 16 ноября 1945 года). По этой причине Лурия раздумывает, каких из западных специалистов стоило бы привлечь к участию в этом проекте. За советом он обращается к Левину, и размышляет о том, чтоб пригласить европейских антропологов Эриха Хорнбостеля (Erich von Hornbostel), Рихарда Турнвальда (Richard Thurnwald) или кого-нибудь из американской команды Франца Боаса

²⁰ Из писем Выготского: «1-5 мая буду в Москве» (А.Н. Леонтьеву, от 15 апреля, из Ташкента) (Выготский & Пузырей, 2004, pp. 14-15) и «собираюсь не позже 2-го мая в Москву, так что через 2-3 дня вслед за этой открыткой жди меня» (Лурии, недатированная открытка из Ташкента) (Выготский & Пузырей, 2004, р. 17)

(Franz Boas), например, Отто Клайнберга (Otto Klineberg)²¹. В настоящее время нам ничего не известно о том, были ли на самом деле посланы приглашения этим ученым, как то планировал Лурия.

Так или иначе, Левин от участия в экспедиции отказался, и вообще, планы по привлечению иностранных специалистов к участию в этой экспедиции не увенчались успехом. Таким образом, летом 1931 года экспедиция прошла при участии только советских исследователей из Москвы и Узбекистана и, очевидно, при поддержке только советских институций. Судя по всему, результаты этого исследования показались настолько интересными и многообещающими²², что по завершении экспедиции 1931 г. ее организаторы начали планировать продолжение исследования культурного развития «примитивных народов» в процессе коллективизации и культурной революции. Вторая фаза исследования должна была пройти летом следующего, 1932 года. Подготовка ко второй экспедиции в Среднюю Азию была основательна. Так, во-первых, отчеты об успехах первой экспедиции 1931 года и сообщения о предстоящей второй психологической экспедиции в Среднюю Азию были растиражированы организатором экспедиции Лурией и опубликованы за рубежом в виде целой серии статей на двух языках, английском и немецком, в таких ведущих журналах как *Science* (Luria, 1931a), *Zeitschrift für angewandte Psychologie* (Luria, 1931b), *Journal of Genetic Psychology* (Luria, 1932a) и *Character and Personality* (Luria, 1932b). Достаточно легко угадываются цели, которые преследовал Лурия, оповещая западную аудиторию о ходе исследований: экспедиция изначально задумывалась как масштабное международное исследование при участии крупнейших западных ученых, таким образом, эти публикации ставили своей целью разрекламировать новый проект и, по всей вероятности, привлечь к участию в нем иностранных специалистов. Параллельно с публикацией отчетов, Лурия продолжал активную переписку с западными учеными, в надежде заинтересовать их новым проектом и заручиться их согласием принять в нем участие. Совершенно очевидно, что особое место в планах Лурии занимали ведущие представители гештальтпсихологии.

Как мы уже видели, Лурия приглашал к участию в первой экспедиции Курта Левина, но который в любом случае не смог бы принять участия в экспедиции летом 1932 г. из-за приглашения провести первый семестр 1932/33 учебного года в Калифорнии, в Стенфордском университете (Stanford University) (Marrow, 1969, p. 65). Другими корреспондентами Лурии и кандидатами на участие во второй среднеазиатской экспедиции были Вольфганг Кёлер (Wolfgang Köhler) и Курт Коффка (Kurt Koffka).

В архиве Вольфганга Кёлера сохранилось лишь два письма Лурии того времени, из которых, тем не менее, следует, что оба корреспондента по всей видимости были связаны личным знакомством, завязавшимся, предположительно, во время IX психологического конгресса 1929 года, и имели более или менее регулярную переписку. В начале декабря 1931 г. Лурия отправил Кёлеру письмо, содержащее весьма подробный отчет о ходе его

²¹ Из письма Лурии Левину от 12 декабря 1929 г.: «Wir haben mit Vygotski eine Idee einer grossen Expedition zu den primitiven Völkern in Sibirien oder in Südasien; die Expedition soll u.a. psychologische Probleme lösen, die wir vorbereiten können; es wäre am besten sie im Sommer 1931 durchmachen. Wollen Sie an der Expedition teilnehmen? Ich glaube, unsere Akademie oder das Institut für Ethnologie des Ostens werden teilweise die Expedition unterstützen; ich möchte auch die Amerikaner - vielleicht jemanden von Boas (Kleinberg?) einladen. Wenn wir von einem deutschen und einem Amerikanischen Institut (vielleicht auch - den Bureau von Piaget) eine Teilunterstützung der Expedition bekommen könnten, - wäre es möglich wirklich sehr schöne Dinge zu machen. Schreiben Sie mir 1) ob Sie die Einladung zu der Teilnahme in der Expedition annehmen werden, 2) ob wir auf eine Unterstützung (ungefähr an 1/3) von einer deutschen Instanz, die in einer internationalen Expedition interessiert ist - rechnen könnten? Vielleicht können wir mit Ethnologen - Hornbostel, Thurnwald sprechen?»

²² См., например, письма Выготского Лурии от 20 июня, 11 июля и 1 августа 1931 года (Выготский & Пузырей, 2004, pp. 31-34).

среднеазиатской экспедиции лета 1931 г., о предварительных результатах психологического исследования, проведенного в ходе этой экспедиции, и планах на будущее²³:

Здесь я перехожу к практической части моего письма. Я хочу сделать Вам предложение. Не хотели бы Вы принять участие во второй экспедиции в Среднюю Азию летом 32 г.? Я думаю, что нам удастся такую экспедицию организовать, и она будет иметь интернациональный характер...

Если бы Вы захотели поехать с нами, то Вы получили бы двух (или больше) помощников, из которых один – русский, говорящий по-немецки (это мог [бы] быть доктор Выготский или кто-нибудь из Москвы) – и один узбек, который владеет русским и всегда был бы у Вас под рукой...

Я вполне убежден – если нам удастся провести эту экспедицию – мы можем многое сделать для психологии.

Я надеюсь также на участие гг. Левина и Коффки. Может быть, стоит пригласить также проф. Турнвальда? (цит. по Е. А. Лурия, 1994, pp. 63-64)²⁴.

В попытке заинтересовать Кёлера принять участие в экспедиции Лурия заверяет его, что поездка для иностранного специалиста полностью покрывается финансированием советских организаций, в частности, Академией наук Узбекистана²⁵, и более того, сообщает, что Кёлеру в Советском Союзе полагается гонорар порядка двух тысяч рублей за две лекции, которые он там прочтет, и за его предстоящую публикацию в Советском Союзе. Этого гонорара, по оценке Лурии, с лихвой должно было хватить Кёлеру на все сопутствующие и дорожные расходы. Тем не менее, несмотря на, казалось бы, заманчивость предложения Лурии, Кёлер по той или иной причине вынужден был отказаться от участия в экспедиции летом 1932 г., в ответ на что Лурия весной 1932 г., т.е. еще до начала второй экспедиции, пригласил Кёлера к участию к продолжению исследования в ходе планировавшейся третьей экспедиции летом 1933 года. Вторая экспедиция, по словам Лурии, должна была стать лишь менее значительной, предварительной, с одной стороны, ставящей своей целью проверку данных, полученных в ходе первой экспедиции, и, соответственно, с другой стороны, подготовительной к следующей, наиболее масштабной третьей экспедиции летом 1933 г.²⁶

²³ В русском переводе это письмо было опубликовано с купюрами Е.А. Лурия в биографии ее отца, Александра Романовича Лурия (Е. А. Лурия, 1994)

²⁴ В оригинале письма Лурии Кёлеру от 3 декабря 1931 г. (некоторые купюры русского перевода здесь восстановлены): «Jetzt komme ich zu dem praktischen Theil meines Briefes. Ich möchte Ihnen einen Vorschlag machen. Wollen Sie an der zweiten Psychologischen Expedition nach Zentral-Asien, im Sommer 1932 teilnehmen? Ich glaube dass es uns gelingen wird, eine zweite Expedition an[z]uordnen und sie soll einen internationalen Charakter haben... Wenn Sie mitgehen moechten, so bekommen Sie zwei (oder mehrere) Mitarbeiter, von denen ein Russe, der deutsch spricht (das kann Dr. Vygotski oder jemand aus Moskau sein) und ein Uzbecke, der Russisch beherrscht und der Ihnen immer zur Hand stehen wird. Die Expedition soll Ihnen nichts kosten. Alle Kosten uebernehmen unsere wissenschaftliche Institute, teilweise - Akademie der Wissensch. des Uzbeckistans. Sie werden eine Einladung für 1-2 Vorträge bekommen, und das wird noch mit ca. 1000 Rbl. bezahlt. Dann haben Sie hier noch ca 1000 Rbl. (ich weiss nicht genau) als Honorar für Gestalt-Psychology (die im Winter erscheinen wird) und das wird ganz genug für alles sein. Ich bin ganz ueberzeugt, dass - wenn diese Expedition uns gelingen wird - wir vieles für die Psychologie machen können werden. Ich hoffe, dass auch Herr Lewin und Koffka mitgehen. Vielleicht würde es auch gut sein Prof. Thurnwald ein[z]uladen?»

²⁵ Неясной остается ссылка на «Академию наук Узбекистана» (Akademie der Wissensch. des Uzbeckistans): такая организация была основана лишь в 1943 г., в свою очередь, этому событию предшествовало создание Филиала Академии наук СССР в Узбекистане в 1940. Вероятно, Лурия имел в виду Научный Комитет Узбекской ССР, учрежденный в Ташкенте в 1932 г., и ставший впоследствии организационной основой для филиала Академии наук и, собственно, Академии наук Узбекской ССР.

²⁶ Из письма Лурии Кёлеру от 6 марта 1932 г., отправленного из Харькова (письмо написано на бланке Украинского государственного психоневрологического института): «Es tut mir sehr leid, dass Sie nicht imstande sind mit uns nach Mittelasien zu kommen. Daher haben wir folgendes entschlossen: die grosse Expedition verlegen wir zum Sommer 1933, - vielleicht wird es Ihnen gelingen dann mitzugehen! Dieses Jahr findet eine kleine, preliminäre Forschungsreise nach Samarkand statt. Koffka, Vygotski und ich werden den 1. Juni abfahren und kehren im August

Трудно сказать, насколько это приглашение Кёлеру отражало реальные планы и договоренности между учеными и вышестоящими организациями-спонсорами. Так или иначе, масштабному исследованию 1933 года не суждено было состояться, и вторая экспедиция в Среднюю Азию оказалась и последней. Хоть ни Курт Левин, ни Вольфганг Кёлер так и не приняли участие в среднеазиатских исследованиях Лурии, тем не менее вторая экспедиция действительно оказалась международной, причем не только за счет участия смешанной московско-узбекской команды: летом 1932 года в состав экспедиции Лурии в Узбекистан вошел другой немецко-американский ученый мирового класса. Это был один из основателей гештальт-психологии, на ту пору профессор массачусетского Смит колледжа (Smith College), Курт Коффка.

Предшествующая второй экспедиции переписка между Лурией и Куртом Коффка, которая дала бы нам представление о ходе переговоров и подготовки к путешествию в Узбекистан, в архиве Коффки не сохранилась. Из переписки Лурии и Левина мы лишь знаем, что весной 1932 вопрос о второй экспедиции и участии в ней Коффка был решен, хотя и оставались неясности относительно маршрута. Лурия рассматривал два основных варианта—Сванетия, на Кавказе или Средняя Азия—и, как мы знаем, в конечном счете остановился на втором²⁷. Так или иначе, Курт Коффка действительно принял участие в ходе второй экспедиции в Среднюю Азию в 1932 году. По пути в Узбекистан Коффка на некоторое время остановился в Москве, где, помимо всего прочего, в местном Институте психологии 29 мая 1932 г. сделал доклад на тему *Die Überwindung des Mechanismus in der modernen Psychologie* (Преодоление механизма [т.е., механицизма] в современной психологии)²⁸. Стенограмма доклада в несколько сокращенном виде была опубликована в журнале «Психология» за 1932 г. Также, в духе времени несколько видоизменился и заголовок: в русском переводе статьи Коффка о преодолении механизма появилось также и упоминание другой крайности — витализма, и текст доклада вышел под названием «Преодоление механистических и виталистических течений в современной психологии» (Коффка, 1932). К слову, именно тогда, во время своего визита в Москву, Коффка, по собственному признанию, и познакомился с Выготским, который выступил в качестве переводчика его доклада, прочитанного на немецком языке²⁹. Богатый материал,

zurück. Wir werden Samarkand und naheliegende Gegenden besuchen und werden am Ort die Ergebnisse der 1 Expedition prüfen und die nächste vorbereiten. Die Hauptversuche werden mit dem Denken und Konstruktion einfacheren psychologische Prozesse in der primitiveren historischen Schicht zu tun haben, ja auch mit dem Umbau der Persönlichkeit im Laufe der Rekonstruktion des sozialen Milieus. Wenn Sie Vorschläge für diese Reise haben möchten, würden wir uns sehr freuen. Vielleicht besprechen Sie das mit Koffka, er wird ja in Berlin den 17-18 Mai sein; denn er glaubt an 11 Mai Amerika zu verlassen».

²⁷ Из письма Лурии Левину от 9 апреля 1932 г.: «Ich erwarte ausserordentlich viel von unser Reise mit Herrn Koffka: wir haben jetzt zwei Varianten - eine Kaukasus - Expedition nach Swanetien (ein sehr interessantes Land in Hochgebirge, von der Welt ganz abgeschnitten) und die Mittel-Asiatische Reise; die nächste Wochen werden uns eine Entscheidung geben, welcher von der Beiden gewählt wird. Grüßen Sie Herrn Koffka recht herzlich und sagen Sie ihm, dass wir auf ihn warten!»

²⁸ Текст доклада хранится в архиве Курта Коффка (АНАР, Akron, OH).

²⁹ Из письма Коффка к Харроуер (Molly Harrower) от 30 мая 1932 г.: «The first two evenings I spent in theatres[:] the first in the grand Opera and the second in one of the theatres of the Moscow Art Theatre. Both very excellent performances, both theatres filled to capacity. Last night was the longest performance of all, my lecture at the State Institute of Psychology. It had been scheduled for 7 pm, but did not start till 7.30, there were quite 300 people in the audience, filling the whole room + gallery. Most of them understood German, but since a good many did not, Professor Vigotski, a most charming man, acted as my interpreter. I talked for about 5-10 minutes + then he gave the most fluent translation you can imagine, he talked much more fluently than I, + it seemed to me for a much longer time. [...] My topic last night, which I forgot to mention, was: “Die Überwindung des Mechanismus in der Modernen Psychologie”. (I don’t know an English equivalent for Überwindung)». И далее, из письма Коффка к Харроуер от 29 июля 1934 г.: «...A letter from Luria, a very nice one. His best friend, the charming Vygotski has died of tuberculosis. I liked him tremendously when I met him in Moscow and was very sorry when he could not join the expedition. He has

отражающий впечатления Курта Коффка от поездки содержится в его переписке с его ученицей Молли Харроуер (Molly Harrower), впоследствии опубликовавшей путевые заметки и воспоминания Коффка по материалам экспедиции в отдельной главе «The Russian-Uzbekistan Expedition» ее книги *Kurt Koffka: an unwitting self-portrait* (Harrower, 1983, pp. 143-164).

С другой стороны, по возвращении из Узбекистана Лурия опубликовал за рубежом отчеты о второй среднеазиатской экспедиции: короткую заметку в журнале *Science* (Luria, 1933) и сравнительно более длинный обзор исследований в *Journal of Genetic Psychology* (Luria, 1934). Ни в одной из этих публикаций проект третьей экспедиции упомянут не был. Несмотря на заверения автора в том, что исследования первой и второй психологических экспедиций будут обобщены и подготовлены к печати на протяжении следующего года (Luria, 1933, p. 192, 1934, p. 259), публикация результатов среднеазиатских исследований Лурия, Коффка и их сотрудников задержалась на несколько десятилетий и вышла лишь в середине 1970х (Luria, 1976; А. Р. Лурия, 1971; А. Р. Лурия, 1974). Среди причин задержки публикации материалов психологических экспедиций Лурии и Коффки 1931 и 1932 гг. как правило называют ту критику, которую эти исследования получили в Советском Союзе (см., напр., Е. А. Лурия, 1994). Это обстоятельство, тем не менее, не объясняет, почему эти исследования не были опубликованы за рубежом так же, как и все анонсы этого проекта и предварительные сообщения о ходе исследования в журналах *Science*, *Zeitschrift für angewandte Psychologie*, *Journal of Genetic Psychology* и *Character and Personality* (Luria, 1931a, 1931b, 1932a, 1932b, 1933, 1934), в то время как ближайшие зарубежные публикации Лурии, вышедшие после завершения экспедиции на английском и французском языках, были посвящены исследованиям близнецов в Медико-генетическом институте и работе в дефектологической клинике с детьми-олигофренами (Luria, 1935c, 1936, 1937). Думается, причины такой значительной задержки публикации результатов этого исследования несколько более прозаичны.

О ходе и предварительных результатах экспедиций мы знаем из переписки Лурии и Выготского, проходившей летом 1931 и 1932 г. Письма Лурии среди архивных документов не были обнаружены, тем не менее сохранилось несколько восторженных писем от Выготского Лурии, написанных во время первой среднеазиатской экспедиции летом 1931 г. как реакция на первые результаты полевых исследований, не оставляющих сомнений в том, что для советских исследователей круга Выготского-Лурии первая экспедиция в Среднюю Азию в их глазах ознаменовалась колоссальным успехом. Например, свое письмо Лурии от 20 июня 1931 г. из Москвы в Среднюю Азию Выготский начинает таким образом: «Дорогой Александр Романович, сейчас только принесли твой Report № 2 [т.е., отчет об экспедиции]; Прочитал его с огромной радостью и спешу кратко откликнуться. Все, что ты сообщаешь бесконечно важно и интересно: это сейчас лучшая часть нашей работы — и новая часть в лучшем смысле, т.е. не повторяющая собственные зады, а ведущая всю работу вперед и поднимающая на высшую ступень старые исследования». Это же письмо Выготский заканчивает так: «Все. В общем замечательно! Лучшее за год. Путь в будущее. Оправдание потерянного полугода. Это золотой фонд экспериментов, которые прямо открываются теоретическим ключом. Работай и пиши мне. Я прочту письмо всем. Это замечательное письмо» (Выготский & Пузырей, 2004, pp. 31-33). Сходную исключительно высокую оценку получили и другие отчеты Лурии об экспедиции, полученные Выготским летом 1931. Из письма Выготского Лурии от 1 августа 1931 г.: «Писал тебе уже и в Самарканд, и в Фергану о том огромном ни с чем несравнимом впечатлении, какое произвели на меня твои Report'ы и протоколы. В нашем исследовании это огромный, решающий поворотный к новой точке

written a long introduction to the Russian edition to the Growth of the Mind[,] which appeared a month before his death with a second, as Luria says, rather superfluous introduction by Kolbanowsky, the head of the Psych. Lab. in Moscow”.

зрения шаг. Но и в любом контексте европейских исследований такая экспедиция была бы событием. Это исследование будет твоей поездкой на Тенериф [т.е. исследованием, сопоставимым по значимости со всемирно известным исследованием поведения антропоидов В. Кёлера, проведенном на острове Тенериф у северо-западного побережья Африки]. У меня чувство восторга — в буквальном смысле слова — как перед серьезнейшим внутренним успехом» (Выготский & Пузырей, 2004, р. 34).

Во второй экспедиции 1932 г., как известно, несмотря на приглашение, Кёлер участия не принимал, зато принял участие Курт Коффка. Его исследования процессов восприятия, проведенные в ходе экспедиции в Средней Азии, привели его к выводу, диаметрально противоположному несколько анекдотическому заключению Лурии о том, что «у узбеков нет иллюзий». Исследование Коффка, напротив, убедительно показало, что у его испытуемых в Средней Азии с несущественными и редкими отклонениями наблюдались все те же оптические иллюзии, какие обычно демонстрируют испытуемые в исследованиях, проведенных психологами в Европе. При этом Коффка подметил, что исключения из этого правила хотя и встречались изредка в ходе второй среднеазиатской экспедиции, были гораздо более частыми в исследованиях первой экспедиции. Это явление, по мнению Коффка, можно легко объяснить, в первую очередь, различиями в технике проведения исследования. Так, по наблюдениям Курта Коффка, более непосредственные и наивные в социальном отношении испытуемые, которые держались с экспериментатором как с равным себе и не относились к эксперименту как к проверке их способностей, все без исключения демонстрировали иллюзии восприятия, такие как иллюзия Мюллера-Лайера и иллюзия Поггендорфа. И напротив, подозрительные, сомневающиеся и недоверчивые испытуемые, прежде чем вынести свой вердикт изучавшие предложенные им картинки на протяжении продолжительного времени, не наблюдали оптической иллюзии, да и то лишь в некоторых, но категорически не во всех случаях, что, по мнению Коффка, опять же подтверждало предыдущие исследования европейских психологов³⁰.

Краткий отчет исследования Коффка в Средней Азии был опубликован лишь через два года после завершения экспедиции в составе статьи Лурии, вышедшей в журнале *Journal of Genetic Psychology* в 1934 г., и был напрямую отправлен переводчикам этой статьи (Luria, 1934)³¹. Тем не менее, вряд ли Лурия узнал о выводах Коффка из публикации этой статьи: скорее всего Лурия и Выготский знали о результатах исследования и заключении Коффка еще летом 1932 г. Это означало, если не полный провал всего среднеазиатского

³⁰ В оригинале: «*Professor Kurt Koffka, together with G. Ashrafy.-Investigation of perception in various historical cultural phases. The following results may be considered as proved: With very few exceptions the men and women examined by us succumbed to the optical illusions-of which a great variety was shown-just as we do. Quantitative measurements of the Müller-Lyer and Poggenдорf patterns yielded a slightly smaller amount of these illusions than control experiments with European psychologists. The exceptions, which were very rare in this expedition, but had been much more frequent in the first, are easily explained by the attitude of the testees towards the experimenter. Naïve, social subjects who treated the experimenter on a footing of equality and did not regard the experiment as a test of their ability had the illusion without exception. Only when the subjects were suspicious, staring a long time at the patterns before making their judgments, the illusions failed to appear with some though by no means with all patterns, in accordance with well-known facts.*

Similarly, it could be proved with several very simple figures like Mach's book, Necker's cube, Schroder's staircase, that plane perspective drawings may compel the perception of a tridimensional object. If the pattern is more complex and has greater representative value, the intended tridimensional effect, as a rule, does not appear, although we see these figures as tridimensional. Thus the opposite report of previous investigators can be explained, according to which Uzbeks, not reached by modern culture, cannot perceive perspective.

Transformation in the organization of a chess-board pattern was always performed, though sometimes with difficulty. The Kohts test manifested great, but not insuperable, difficulties in the abandonment of the originally perceived form.»

³¹ Переводчики Дж. Казанин (Dr. J. Kasanin) и Ф. Л. Уэллс (Dr. F.L. Wells). В оригинале: «Translator's note: These conclusions were sent directly to us by Professor Koffka.»

исследования Лурии 1931-1932 гг., то по меньшей мере серьезные основания сомневаться в выводах экспедиции 1931 г. и необходимость критического пересмотра как заключений, так и экспериментальных методик исследования Лурии. В любом случае, все такие характеристики этого исследования как, по выражению Выготского, «золотой фонд экспериментов, которые прямо открываются теоретическим ключом», «огромный, решающий поворотный к новой точке зрения шаг», или предположение о том, что «в любом контексте европейских исследований такая экспедиция была бы событием» в глазах крупнейшего и авторитетнейшего европейского исследователя, каковым несомненно был один из основателей и лидеров одной из наиболее ярких и влиятельных психологических теорий своего времени Курт Коффка, не оправдывали себя. И именно это обстоятельство, думается, как никакое другое, лучше всего объясняет то, что первые публикации находок среднеазиатских экспедиций Лурии и Коффка были опубликованы лишь несколько десятилетий спустя. Ни Выготский, ни Коффка до этого времени уже не дожили. К слову, о последнем: как в русской (А. Р. Лурия, 1974), так и в английской версии книги Лурии (Luria, 1976) ни выводы Коффка, ни даже его участие во второй среднеазиатской экспедиции 1932 года по той или иной причине упомянуты не были.

1933: Курт Левин в Москве, проездом

В 1932 г. Курт Левин получил предложение прочитать курс лекций в США, в калифорнийском университете Стенфорд. На обратном пути, Левин решил отправиться в Германию с западного побережья США через Тихий океан транзитом через Японию и Советский Союз. Таким образом, еще одна возможность встретиться с Левиным советским ученым предоставилась весной 1933 года, когда тот добрался наконец до Москвы. Существуют свидетельства того, что во время этой поездки К. Левин действительно неоднократно встречался с советскими психологами – Л.С. Выготским, А.Р. Лурией, Б.В. Зейгарник, А.А. Смирновым и др., предположительно выступал с научными докладами и даже демонстрировал какие-то из своих фильмов (Выгодская & Лифанова, 1996; Ярошевский & Зейгарник, 1988). Мы не знаем определенно, где именно Левин останавливался во время своего пребывания в Москве, однако из его телеграммы от 30 апреля 1933 известно, что в качестве своего контактного адреса он давал адрес Выготского по улице Серпуховской дом 17, квартира 1 (Lück, 2001, p. 174)³².

Из переписки Левина с женой и коллегами следует, что он не собирался оставаться в Германии после прихода нацистов к власти и введению дискриминационных антисемитских законов, ограничивающих возможности трудоустройства евреев и исключаящих их из числа соискателей государственных должностей, таких как, например, профессор университета. По всей видимости, весной 1933 Левин рассматривал несколько вариантов эмиграции, включая переезд в Соединенные Штаты, Советский Союз или Австрию³³. Несколько позже, в середине 1930х, Левин также вел активные переговоры с Еврейским Университетом в Иерусалиме (Bargal, 1992, 1998). Тем не менее, из всех этих планов реализоваться удалось только одному. Пробыв в Москве несколько недель в апреле-мае 1933, Левин отправился

³² См. несколько туманную по смыслу телеграмму Левина из Москвы от 30 апреля 1933 г. В Америку, Фрицу Хайдеру в Нортхемптон в Массачусеттсе (Northampton, MA): «GERTILAZ [sic] IMPOSSIBLE STOP ARE POSSIBILITIES THERE WIRE QUESTION TO BORING LASHLEY TOLMAN OGDEA [sic; recte: Ogden] MACDOUGALL STAY TILL MAY SIXTH WITH VYGOTSKI SERPUCHOVSKAIA 17/1 = LEVIN»

³³ См. письмо Левина жене Гертруде Левин из Москвы от 30 апреля 1933 г. АНАР, Kurt Lewin papers, box M2933, folder 41.

далее, в Германию, и, забрав свою семью, окончательно покинул страну. С этого времени начинается новый период его академической карьеры, в США (Marrow, 1969).

Наряду с Левиным, после прихода нацистской партии к власти Германию покинули и другие интеллектуалы «неарийского», т.е. еврейского происхождения. Можно сказать, что практически весь цвет немецкой гештальт-психологии в середине 1930х переместился из Германии в США. Это Курт Левин и Макс Вертхаймер (в 1933, США), Курт Гольдштейн (в 1933, Голландия, затем, в 1935, США), Адемар Гельб (в 1933, Голландия, затем Швеция) и многие, многие другие. В 1935 году за ними последовал в иммиграцию в Америку и немец по национальности, бессменный директор Института психологии в Берлине в 1922-1935 и один из основателей психологической гештальт-теории Вольфганг Кёлер.

1930-1936: по следам Курта Левина, на пути к «культурно-исторической гештальтпсихологии»

Тридцатые годы для развития теории Выготского ознаменовались существенным пересмотром многих фундаментальных положений теории и поиском новых научных идей, методов и подходов. Так, пожалуй, два основных процесса характеризуют природу теоретической реконструкции проходившей с начала 1930х:

(1) разработка принципов системного подхода к изучению психических явлений, верным индикатором которого выступает обсуждение вопросов «функциональных систем», или «систем функций»

(2) переход от механицизма и интеллектуализма «инструментального периода» 1920х к психологии личности по мотивам исследований Левина и его команды, и в этой связи характерны такие проблемы как соотношение между интеллектом и аффектом, разработка теории био-социо-культурного развития под эгидой педологической программы исследований, острый интерес Выготского к так называемой «психофизической проблеме» («*natura parendo vincitur*») и интенсивное проникновение векторной и полевой терминологии в тексты авторов круга Выготского.

Идеи Курта Левина и группы его студентов играли в этих процессах весьма заметную роль. С одной стороны, влияние идей Левина на Выготского и его группу было в области методологии научного исследования и перехода от «аристотелевского» к «галилеевскому» образу мышления, т.е. от «инструментальной» к структурной психологии в самой теории Выготского. С другой стороны, экспериментатика левиновских исследований произвела неизгладимое впечатление на исследователей круга Выготского и сыграла существенную роль в переориентации их исследований. Рассмотрим же ход теоретического и экспериментального сближения советских психологов и их коллег-гештальтистов круга Курта Левина.

Значительный интерес психологов в СССР вызвали исследования берлинской группы Курта Левина, опубликованные большей частью в 1927-1933 годах на немецком языке в журнале *Psychologische Forschung*, такие как работы Тамары Дембо, Анитры Карстен, Фердинанда Хоппе, Блюмы Зейгарник, Марии Овсянкиной (впоследствии – Рикерс-Овсянкиной), Гиты Биренбаум и других. Курт Левин обобщил исследования этого периода в специальном обзоре в своей первой книге на английском языке, вышедшей в США после его эмиграции из Германии (Lewin, 1935c).

Влияние идей Левина и его команды на советских психологов далеко не ограничивается исключительно исследователями круга Выготского. Так, например, в начале 1930х группа ленинградских исследователей из Института мозга им. В. М. Бехтерева под руководством В. Н. Мясищева (Р.И. Меерович, Е.Е. Плотникова, К.М. Кандаратская, Е.С.

Авербух, В.И. Буторин и Т. Я. Хвиливицкий), используя экспериментальные методики группы Курта Левина, провела серию исследований действия, воли и аффекта в клинических условиях у пациентов с нервно-психическими расстройствами. Сами исследования были по большей части опубликованы (Авербух, 1936; Меерович, 1935а, 1935b, 1935с; Меерович & Кандаратская, 1936; Меерович & Плотникова, 1936; Хвиливицкий, 1935), а общее обсуждение результатов этих работ можно найти в работах Мясищева середины 1930х (Мясищев, 1935, 1936).

Выготский и его единомышленники проявляли не менее живой интерес к левиновской линии в психологии, чем исследовательская группа Мясищева. Одно исследовательское направление в ключе психологии Курта Левина было представлено работами его бывших берлинских учениц Биренбаум и Зейгарник, которые в середине 1930-х провели серию исследований в клиническом отделении Института высшей нервной деятельности (ИВНД) и, несколько позднее, в психиатрической клинике Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ) (оба института – в Москве). В результате они и их сотрудники опубликовали серию статей, в которых их авторы с большим или меньшим успехом предприняли попытки обсуждения и творческого синтеза взглядов Выготского и Левина (Биренбаум, 1934; Биренбаум & Зейгарник, 1935; Зейгарник, 1934; Зейгарник & Биренбаум, 1935; Кагановская & Зейгарник, 1935; Самухин, 1935; Самухин, Биренбаум, & Выготский, 1934).

Другая группа московских сотрудников Выготского, базировавшаяся в Экспериментальном дефектологическом институте им. М.С. Эпштейна (ЭДИ; с середины 1930х – Научно-практический институт специальных школ и детских домов Наркомпроса РСФСР), также продолжила исследования по стопам экспериментов Левина и его команды. Из этих исследований была опубликована лишь работа И.М. Соловьева в виде главы в книге «Умственно отсталый ребенок», в которой экспериментальная методика исследования Анитры Карстен, изучавшей психологическое явление «насыщения» (cf. Karsten, 1928; Karsten, 1928/1976; Карстен, 1928/2001)³⁴, была использована для изучения протекания волевых и аффективных психических процессов в однообразной, бессмысленной деятельности у умственно-отсталых детей (Соловьев-Элпидинский, 1935). Исследование Соловьева включало в себя три относительно самостоятельных исследования, было проведено соответственно в 1930, 1931 и 1932 годах (Соловьев-Элпидинский, 1935, р. 173), и, как мы знаем из недавно опубликованных документов из архива Выготского, было представлено на одном из неформальных семинаров (так называемых «внутренних конференций»), проходивших среди психологов круга Выготского-Лурии в октябре 1932 (Выготский, 2007; Завершнева, 2007). Статья Выготского «Проблема умственной отсталости», с обсуждением «динамической теории детского слабоумия» Курта Левина, опубликованная в виде другой главы той же книги «Умственно отсталый ребенок» (Выготский, 1935), было, по всей видимости, откликом на статью Левина, вышедшую в мемориальном сборнике памяти бельгийского новатора педагогики Овида Декроли (Ovide Decroly, 1871—1932) в 1933 (Lewin, 1933) и переведенную на английский в 1935 (Lewin, 1935b). Из этой главы Выготского мы знаем о трех сериях экспериментальных исследований, проведенных коллегами Выготского по методикам исследований группы Левина: «в первой серии наших экспериментов мы изучили, так же как Левин, процессы насыщения в деятельности слабоумного и нормального ребенка» (цит. по (Выготский, 1935/1956, р. 476);

³⁴ В русскоязычной литературе советского периода феномен, изучавшийся Карстен, также упоминается под названием «психическое пресыщение». Тем не менее, в недавней первой публикации русского перевода оригинальной работы Карстен наименование «психическое насыщение» было восстановлено; см. (Карстен, 1928/2001).

курсив автора)³⁵, «во второй серии экспериментов мы изучали, так же как и Левин, тенденцию возвращения к прерванному действию при неразряженном аффективном побуждении» (Выготский, 1935/1956, р. 477)³⁶, и, «наконец, в третьей серии наших экспериментов мы пытались изучить характер замещения аффективной тенденции при прерванных действиях у нормального и слабоумного ребенка» (Выготский, 1935/1956, р. 478)³⁷. К этой статье Выготского примыкает продолжительное обсуждение теории Курта Левина и экспериментальных исследований проблем слабоумия, проведенных его учениками и сотрудниками, в книге Л.В. Занкова «Очерки психологии умственно отсталого ребенка» (Занков, 1935). Примечательно, что в книге содержится ссылка на неопубликованную работу Пауля Кёпке (Paul K rke), исследовавшего психологическое замещение у нормальных и слабоумных детей (Занков, 1935, р. 36), что лишний раз свидетельствует о тесных контактах и неформальном характере взаимоотношений между советскими учеными круга Выготского и их коллегами по ту сторону государственной границы СССР. Исследование К пке *Substitute Satisfaction In Normal and In Feebleminded Children* так и осталось не опубликованным вплоть до наших дней³⁸.

Еще одна группа сотрудников и единомышленников Выготского (А.Р. Лурия, М.С. Лебединский, А.В. Запорожец), вдохновленных работой группы Курта Левина, проводила сходные исследования в Украинской психоневрологической академии (впоследствии – Украинском психоневрологическом институте) в Харькове. Так, например, в статье Лебединского о динамике действий шизофреников мы находим такое описание эксперимента, проведенного Запорожцем с пациентом-шизофреником: «Однажды больная была оставлена одна в комнате, причем незаметно для нее за ее поведением следили (специальная зеркальная установка). Ей предложили, перед тем как оставить ее одну, перекидывать спички из одной коробки в другую. При этом она должна была, согласно инструкции, брать каждый раз из коробки по три спички, выкладывать из них на столе букву «А», а затем лишь эти самые спички класть во вторую коробку. Так надо было поступать последовательно со всеми спичками», при этом ни время выполнения задания, ни общая продолжительность эксперимента ограничены не были (Лебединский, 1940, pp. 57-58). В этой публикации за 1940 год ни Курт Левин, ни кто-либо из его студентов упомянут не был. Тем не менее, в экспериментальной установке Запорожца достаточно легко распознать повторение инструкции испытуемому из исследования «психологического насыщения» Анитры Карстен: «сложить заданные фигуры (цифру 2, крест, букву W)» и выполнять задание, «но так, что момент прекращения выполнения этого задания оставался на его усмотрение» (Карстен, 1928/2001, pp. 499-501). В то же время, редкие ссылки на Курта Левина можно найти в большой неопубликованной рукописи Лебединского «Динамика угасания действий шизофреников» (1938)³⁹, но, по той или иной причине, целиком эта книга в печать не попала.

³⁵ Исследования «насыщения» (S ttigung; satiation) Карстен (Karsten) и Фройнда (Freund).

³⁶ Исследование возвращения к прерванному действию (Wiederaufnahme unterbrochener Handlungen; resumption of interrupted activities) Овсянкиной (Ovsiankina).

³⁷ Психологическая природа явления замещения (Ersatz; substitution) в разных формах изучалась в целой серии исследований Зейгарник (Zeigarnik), Овсянкиной (Ovsiankina), Биренбаум (Birenbaum), Хоппе (Hoppe), Дембо (Dembo), Малер (Mahler), Юкнат (Jucknat) и Файянс (Fajans). Тем не менее исследование, которое более всего подходит под вышеприведенное описание Выготского, т.е. исследование «замещения аффективной тенденции при прерванных действиях у нормального и слабоумного ребенка», было проведено Паулем К пке (Paul K rke). Это исследование осталось не опубликованным.

³⁸ Копия работы К пке в переводе на английский язык хранится в Архиве по истории американской психологии (АНАР).

³⁹ Рукопись М.С. Лебединского хранится в библиотеке Института неврологии, психиатрии и наркологии АМН Украины (Институт неврології, психіатрії та наркології АМН України) в г. Харькове.

В то же время прослеживается и определенное, хотя и сравнительно менее значительное, влияние советских психологических исследований на исследователей круга Курта Левина. Так, например, в своей переписке с Лурия Курт Левин упоминает о большом интересе, который вызвали в Америке исследования Лурии, Биренбаум и Зейгарник, проводимые ими в ту пору в Советском Союзе⁴⁰, и о докладах их бывшей соученицы Тамары Дембо, предположительно прочитанных по материалам этих исследований⁴¹.

В результате интенсивного научного обмена между исследователями, в ту пору жившими и работавшими в Советском Союзе и в Соединенных Штатах, в американских публикациях второй половины 1930 – 1940х годов начинают появляться ссылки на статьи Л.С. Выготского о мышлении, языке и речи, опубликованные Дж. Казаниным в английском переводе в 1934 и 1939, а в работе Роджера Баркера (Roger Garlock Barker), Т. Дембо и К. Левина, проведенной под руководством последнего и опубликованной в 1941 (Barker, Dembo, & Lewin, 1941), обнаруживается даже единственная ссылка на русскоязычный источник: книгу Выготского «Мышление и речь», изданную в 1934 году в Советском Союзе. Также, косвенным свидетельством влияния Выготского на умы учеников Курта Левина, следует, пожалуй, считать сообщение бывшего сотрудника Марии Рикерс-Овсянкиной, коллеги в университете Коннектикута (University of Connecticut), о том, что та, не особенно хорошо подготовленная в статистических методах исследования, широко распространенных североамериканской науке, но представлявшая европейскую исследовательскую традицию, привнесла много новых идей, впоследствии ставших популярными на Западе. В частности, сообщает источник, Овсянкина познакомила своих коллег с психологией Выготского (Handler, 1995, pp. 174-175).

1934-1936: Памяти Выготского, сборник научных работ

Выготский, несомненный лидер для целого ряда советских психологов и основатель одной из самых ярких традиций психологических исследований в Советском Союзе, умер 11 июня 1934. С некоторой задержкой, в 1935 Лурия опубликовал на Западе два некролога Выготского (Luria, 1935a, 1935b) и начал подготовку фундаментального сборника научных работ, посвященного памяти Выготского под условным названием «Психологическое развитие и распад» (Psychological Development and Decline)⁴² или «Проблемы развития и распада психических функций» (Probleme der Entwicklung und Abfall Psychisches Funktionen)⁴³. К ноябрю 1935 г относятся самые ранние свидетельства о переговорах Лурии с будущими авторами⁴⁴, а интенсивная переписка с иностранными корреспондентами продолжалась вплоть до осени 1936. Очевидно, что это издание было задумано как престижная публикация международного значения, пожалуй, не имевшая прецедентов до тех пор среди русскоязычных психологических изданий. И в самом деле, для участия в этом проекте Лурия персонально пригласил ряд ведущих специалистов написать статьи специально для этого случая. Так, к апрелю 1936 Лурия уже получил рукописи глав от

⁴⁰ Из окончания письма Левина Лурии от 14 июня 1936 года: «Dembo ist ganz entzückt über die Arbeiten von Gita und Bluma. Sie wird hier darüber berichten. Man macht viel von Ihrem Test Gebrauch. Herzliche Grüsse und hoffentlich auf Wiedersehen diesen Sommer!»

⁴¹ Из письма Левина Лурии от 1 октября 1936 года: «Gruessen Sie bitte Bluma und Gita schoen. Tamara wird bald über ihre psychopathologische Arbeit im Seminar berichten»

⁴² Письмо Лурии Вертхаймеру от 20 февраля 1936 г. (King & Wertheimer, 2005, p. 271).

⁴³ Письмо Лурии Левину от 15 ноября 1935 г. (АНАР).

⁴⁴ См. недатированное письмо Курта Левина в ответ на письмо Лурии от 7 ноября 1935 г., а также упоминание о работе над статьей для мемориального сборника в письме Курта Коффка к Молли Харроуер от 26 ноября 1935 г. (АНАР).

Бойтендейка (Frederik Jacobus Johannes Buytendijk), Бюлера (Karl Bühler), Коффка (Kurt Koffka), Гезелла (Arnold Gesell) и Гольдштейна (Kurt Goldstein)⁴⁵ и все еще рассчитывал получить рукописи от таких авторов как Адемар Гельб (Adhémar Gelb)⁴⁶, Курт Левин (Kurt Lewin), Карл Лэшли (Karl Lashley) и Жан Пиаже (Jean Piaget)⁴⁷. Макс Вертхаймер (Max Wertheimer) был также приглашен принять участие и даже выслал Лурии свою статью⁴⁸. Местонахождение этого, равно как и других текстов, предположительно полученных Лурией для сборника, не известно до сих пор, а их содержание представляет собой значительный интерес для современных психологов и историков психологии.

Предположительно последней статьей, поданной в памятный сборник стала глава Курта Левина, которая хоть и была изначально отправлена из Америки в библиотеку Академии наук Украины⁴⁹, но с задержками и приключениями в конце концов была доставлена в Москву в августе-сентябре 1936 года⁵⁰. Впрочем, Лурия с нетерпением ожидал материалы Левина еще с февраля 1936, о чем постоянно сообщал в своих письмах этому автору. Причина такого нетерпения очевидна: из всех статей глава Левина представлялась редактору самой важной, центральной главой всего сборника⁵¹. Понять такое предпочтение главе Курта Левина мы можем после более детального анализа того экспериментального и теоретического сближения исследовательских программ ученых круга Выготского и исследований берлинской (а затем, и американской) группы Левина, которое несомненно происходило в 1930е годы.

1936: Topologische Meeting, Moskau/Charkow

Из переписки А.Р. Лурии и Курта Левина за 1936 год мы знаем о планах на перевод книг последнего «Динамическая теория личности» (Lewin, 1935a) и «Топологическая психология» (Lewin, 1936)⁵², но по той или иной причине ни один из этих проектов 1936 года реализован не был. В этой связи представляет громадный интерес другой нереализованный проект 1936 года, который дает нам представление о развитии исследовательской программы среди представителей круга Выготского после его смерти в июне 1934. Речь идет о проекте

⁴⁵ Из письма Лурии Левину от 4 апреля 1936 г.: «Buytendijk, Buhler, Koffka, Gesell, Goldstein haben schon ganz interessante Vorträge zugesandt».

⁴⁶ Гельб в это время был тяжело болен, и скончался 7 августа 1936 года. На этом основании можно предположить, что текст его главы так и не был написан, а работа, следовательно, Лурией так никогда и не была получена.

⁴⁷ Письмо Лурии Максиму Вертхаймеру из Москвы от 20 февраля 1936 года, в переводе на английский: «Many of our disciplinary colleagues knew him [i.e. Vygotsky] personally and loved him deeply; many of them— [Kurt] Koffka, [Kurt] Lewin, [Karl] Lashley, [Jean] Piaget, and also [Adhémar] Gelb, [Arnold] Gesell, [Karl] Buhler, etc. will contribute to the memorial volume» (King & Wertheimer, 2005, p. 271).

⁴⁸ Письмо Вертхаймера Лурии из Нью-Йорка от 16 июля 1936 года (King & Wertheimer, 2005, p. 275)

⁴⁹ В архиве Левина сохранился фрагмент переписки между его секретарем Мс. Баттерфилд (Mrs Butterfield), Левиным и академической библиотекой в Киеве, отражающей перипетию этого дела.

⁵⁰ Из письма Лурии от 7 сентября 1936 г.: «Nun endlich habe ich Ihre Arbeit erhalten. Ihre Sekretärin hat das Manuskript mit einer falschen Adresse abgesandt, und zwar nach den Ukrainischen Akademie für Psychoneurologie, und die Sendung spazierte Zwei Monate durch das ganze Land (denn ein Teil der Adresse war in Charkow, der zweite - Frunze 13 - in Moskau)».

⁵¹ Письмо Лурии Левину от 20 февраля 1936 года «Ich habe von Ihnen noch nichts bekommen, aber wir warten mit grossten Spannung auf Ihre Arbeit, die in dem Memorialband einen zentralen Platz haben soll».

⁵² *Principles of topological psychology*, вышла на английском языке в 1936 в переводе Фритца и Грейс Хайдеров (Fritz & Grace Heider), с посвящением Еврейскому университету в Иерусалиме (Hebrew University of Jerusalem). Текст книги доступен бесплатно на сайте <http://www.archive.org/>; см. <http://www.archive.org/details/principlesoftopo011804mbp>

организации и проведении психологической топологической конференции в Советском Союзе летом 1936 года. Предыстория этого события начинается еще в 1933 году в США.

По сообщению биографа Курта Левина, Альфреда Мэрроу (Alfred J. Marrow), практически сразу после его эмиграции из Старого Света в Америку вокруг Левина сформировалось неформальное объединение его бывших европейских и новых американских студентов, сотрудников и просто личных друзей, в той или иной степени разделявших его взгляды и подходы в психологии (Люк, 2010)⁵³. Эта группа сформировалась спонтанно в ходе организации первой неформальной встречи единомышленников, состоявшейся на Рождество 1933 г. в Смит колледже (Smith College, Northampton, MA), где в то время преподавал Курт Коффка. Среди узкого круга участников встречи были Коффка, Левин, Дембо и несколько других местных и специально приехавших на встречу психологов. Встреча прошла очень приятно и при этом с пользой для собравшихся, получивших возможность обсудить интересующие их вопросы и обменяться сообщениями о своих последних научных достижениях. Поэтому совсем не удивительно, что на следующий год состоялась вторая встреча, на этот раз более расширенным составом участников (1934, Дьюк университет, Duke University), а еще через год, в 1935 г., прошла одна из самых ярких встреч в истории «топологической группы» (Topological Group) в Брин Мар колледже (Bryn Mawr College), собравшая звездный состав участников, таких как участники первого собрания Левин, Коффка и Дембо, а также Вольфганг Кёлер (Wolfgang Köhler), Эрик Эриксон (Erik Erikson), Маргарет Мид (Margaret Mead), Вильям Штерн (William Stern), Дэвид Креч (David Krech), Эдвард Толман (Edward C. Tolman), и Фритц и Грейс Хайдер (Fritz and Grace Heider). С тех пор «топологические собрания» (Topology Meetings), остававшиеся неформальными встречами группы, не превышающей числом тридцати пяти – сорока участников, стали ежегодным событием и проводились под эгидой ведущих американских университетов, напр., в 1936 такая встреча прошла в Гарварде (Harvard University), а в 1938 г. – в Корнелле (Cornell University) (Marrow, 1969, pp. 111-115). Очевидно, что информация об успехе топологических собраний дошла и до советских ученых, и пример оказался весьма заразительным.

Первое упоминание о возможном «левинианском», «топологическом» семинаре в Советском Союзе относится к началу 1936 года. Открытка от 25 января 1936 г., отправленная из Москвы в Айову, США и адресованная Левину, Дембо и Овсянкиной, была подписана Лурией, Биренбаум и Зейгарник и содержала пожелание о том, что следующее «топологическое собрание» (Topologische Meeting) пройдет в их лаборатории в Москве⁵⁴. То, что, вероятно, могло показаться необоснованным и несбыточным мечтательством, уже через месяц приобрело конкретные очертания реального и, на первый взгляд, осуществимого проекта. Уже 20 февраля Лурия пишет Левину о том, что их динамические исследования личности становятся все интенсивнее с каждым годом и представлены целым рядом направлений и достижений. Лурия упоминает клиническую работу Биренбаум и Зейгарник и их предстоящую большую работу о мышлении и аффекте, исследования распада психологических и мозговых функций и их влияние на динамику поведения, а также многочисленные исследования Леонтьева и его харьковской группы, посвященные изучению структуры поведения и действия в детском возрасте и изменению отношений между целью, мотивом и деятельностью. Все эти исследования, по мнению Лурии, давали им возможность организовать небольшой симпозиум, посвященный вопросам динамических исследований, и уже в июне провести маленькую «Левиновскую конференцию» (Lewin-Konferenz) с

⁵³ См. тж. в интернете: http://mhp-journal.ru/rus/Issues/2010_v5_n3_05

⁵⁴ Содержание открытки от 25 января 1936 г.: «Besten Dank und herzliche Grüsse an Herrn Lewin, liebe Tamara, Fr. Ovsiankina! Wir hoffen, dass der nächste topologische Meeting doch in unserem Laboratorium in Moskau stattfinden wird!» (см. рисунок 2).

докладами Биренбаум, Зейгарник, Соловьева, Леонтьева и его группы⁵⁵. Впрочем, через некоторое время планы несколько изменились, и эту конференцию (Lewin – Symposium) по той или иной причине было решено проводить все еще в июне 1936 года, но уже не в Москве, а в Харькове⁵⁶.

⁵⁵ Из письма Лурии Левину от 20 февраля 1936 г.: «Wir arbeiten hier ganz tüchtig, und ich muss sagen, das die Dynamischen Studien von Personality werden hier vom Jahr zu Jahr intensiver. Sehr gute Arbeit über die Pathologie der Spannungen ist von Bluma und Gita durchgeführt, ich hoffe, dass sie beide eine grössere Arbeit über Denken und Affekt [abschließen?]. Der Abfall des Gehirns scheint ein ausgezeichnet geeignetes [=geeignetes] Material zu sein für das Studium der generellen Schicksal der Verhaltensdynamik, und ich hoffe Sie werden Freude haben an der Arbeit der Beiden.

Auch Leontiew in Charkow hat eine grosse Reihe Studien ueber die Verhaltens - u. Aktions-strukturen im Kinderalter angefangen. Die Aenderungen der Relationen von Ziel-Motiv-und Taetigkeit steht hier in Vordergrund. Das alles machte uns möglich einen kleinen Symposium zur dynamischen Studien zu machen, und im Juni wird eine solche kleine Lewin-Konferenz stattfinden (mit Vorträgen: Birenbaum, Zeigarnik, Solovjev, Leontjew und seine Gruppe)».

⁵⁶ Из письма Лурии Левину от 4 апреля 1936 г.: «Unser Lewin – Symposium wird, wie ich hoffe, im Charkow in Juni sein: dort arbeitet jetzt Leontiew sehr viel mit der Analyse der Struktur der Aktivität der Kinder. Wir werden natürlich Ihnen darüber schreiben».

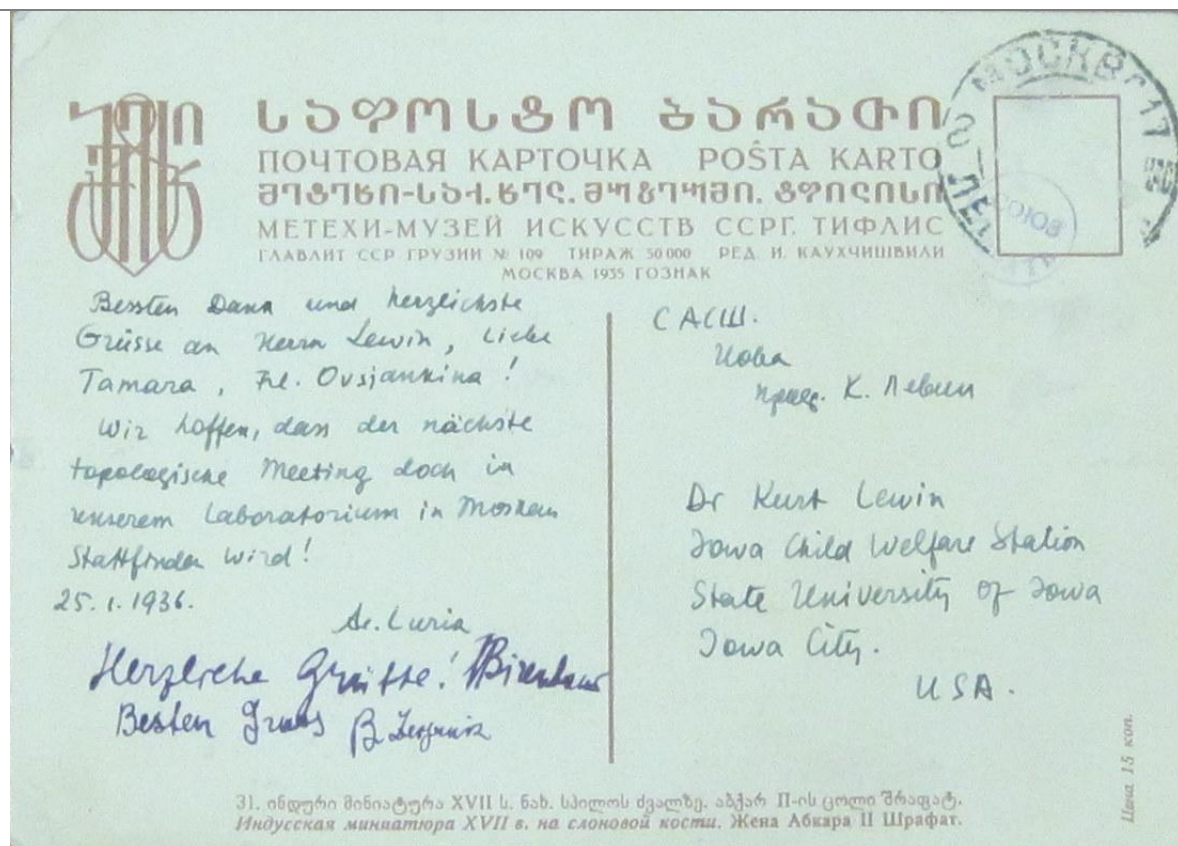

Рисунок 2. Открытка на немецком языке от 25 января 1936 года, подписанная Лурией, Биренбаум и Зейгарник, адресованная Курту Левину, Тамаре Дембо и Марии Овсянкиной и отправленная в Соединенные Штаты на университетский адрес Левина (Kurt Lewin Archive, ANAP).

С определенной степенью уверенности можно предположить, что именно в контексте предстоящей топологической конференции и было организовано психологическое полевое исследование в Парке культуры и отдыха им. Горького в Москве, проведенное психологической бригадой Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ) под руководством А.Н. Леонтьева. Рукопись с докладом о результатах этого исследования, который был предположительно сделан в ВИЭМ в 1936 году, долгое время хранилась в личном архиве семьи Леонтьевых и была опубликована сравнительно недавно под именами авторов доклада А.Н. Леонтьева и А.И. Розенблюма (видного участника психотехнического движения, сотрудника Института труда в Харькове) (А. Н. Леонтьев & Розенблюм, 1935/1999). Как ранее отмечалось, в работах Леонтьева практически невозможно найти ссылки на Курта Левина. Интересно, что предварительное сообщение Леонтьева и его коллег об их исследовании в Парке Горького не только ссылается на Курта Левина, но и использует понятийный аппарат его теории. По мнению современных исследователей, подчеркивающих сильное влияние Курта Левина на эту работу команды А.Н. Леонтьева, «теоретический базис исследования, проведенного в ЦПКиО, — это любопытный и довольно органичный синтез динамической теории Левина и собственных идей Леонтьева. Левиновские идеи побудительности объектов, окружения и давления напряженных квазипотребностных систем плавно перетекают в деятельностные и культурно-исторические идеи о формировании структур развивающейся деятельности через целенаправленную организацию среды; квазиестественный эксперимент левиновского типа оборачивается психотехнической стратегией Выготского!» (Д. А. Леонтьев & Патяева, 2001, р. 9). Еще одно описание его довоенных экспериментальных исследований в Парке им. Горького, по психологии прыжка с

парашютной вышки, стоявшей в Парке в то время, можно найти в другой посмертной публикации А.Н. Леонтьева, транскрипции магнитофонной записи его беседы с внуком, в ту пору начинающим студентом-психологом (А. Н. Леонтьев, 1993). Любопытно, что и в этой беседе Леонтьев упоминает Левина, правда, в контексте диссертационного исследования развития волевых действий у дошкольников, проведенном в 1937-40 годах К.М. Гуревичем под руководством Леонтьева (Гуревич, 2003).

В этом исследовании в Парке им. Горького, принимал участие целый ряд психологов, таких как, например, Л.И. Божович, в прошлом московская ученица Выготского, как и сам А.Н. Леонтьев. Среди прочих, в исследовании участвовала и Н.Н. Каулина⁵⁷, бывшая сотрудница Курта Левина. Таким образом, хотя мы пока что еще очень мало знаем о ходе самого исследования и о распределении ролей в команде А.Н. Леонтьева и А.И. Розенблюма, тем не менее, уже сейчас можно с определенной уверенностью утверждать, что явные параллели между этим исследованием и топологической психологией Курта Левина далеко не случайны и легко могут быть объяснены как готовящимся Lewin-Seminar, так и в целом значительным сближением между «выготчанами» и «левиновцами» в середине 1930х годов и существенной переориентацией на векторную и топологическую психологию в исследованиях бывших сотрудников Выготского, весьма, впрочем, заметную в работах его круга еще при жизни самого Выготского.

Думается, при всем сближении исследовательских программ круга Курта Левина и остатков круга Выготского-Лурии после смерти Выготского, вряд ли можно говорить о некритичном заимствовании западных концепций, а скорее о более или менее органичном синтезе идей Выготского и Левина. Обе этих составляющих можно найти в резюме работы советских психологов круга Выготского-Левина по состоянию дел к середине 1936 г., представленное в письме А.Р. Лурии Максу Вертхаймеру, датированном 9 мая 1936 г. Письмо Лурии, написанное от руки на немецком языке на бланке Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ) и отправленное Вертхаймеру в Нью-Йорк, где оно и по сей день хранится в фондах городской библиотеки (New-York public library), было недавно опубликовано в английском переводе. В этом письме, отвечая на вопрос Вертхаймера о том, какую научную работу он проводил в то время, Лурия определил два основных направления исследований своей группы:

В настоящее время я экспериментально исследую два вопроса. Первый затрагивает общие законы психологического развития: в первую очередь мы исследуем, как в процессе человеческого развития развивается [evolves] смысловая картина мира (meaningful representation of the world) (каковую мы видим в смысле [meaning] действий и языка), как реорганизуется смысловое поле [the world of meaning] и психические функции в процессе обучения, и как обучение может вести к реорганизации взаимоотношений между психическими [psychological] функциями. [...]

Второй вопрос, разрешением которого я занимаюсь в первую очередь, это разрушение [destruction] смыслового поля [the world of meaning] и структуры [construction] психических функций при поражении мозга. В этой области нам удалось выработать методы анализа значения слова, живого [living] семантического синтаксиса языка, которые позволяют выявить деградацию мозговых функций [brain capability], а также демонстрируют закономерное ухудшение функционирования [deterioration] при мозговых поражениях. Патологические семантика, синтаксис и функциональные

⁵⁷ См. первую сноску в (А. Н. Леонтьев & Розенблюм, 1935/1999, р. 371): «Н.Н. Каулина, исследование в Авиалаборатории».

структуры психики составляют вторую часть того проблемного поля, которое мы здесь интенсивно разрабатываем (King & Wertheimer, 2005, p. 274)⁵⁸

Отличительные выготскианские движения мысли, характерные для смыслоцентричной «вершинной психологии» периода последних лет жизни Выготского, здесь очень интересно перемежаются с не менее характерными «полевыми» и «топологическими» представлениями Левина о поведении в целостном физическом и психологическом жизненном пространстве (life space) человека. Таким образом, все те разрозненные и не систематические фрагменты идей и подходов, которые мы можем найти в работах круга Выготского-Лурии по положению дел на середину 1930х годов, дают нам определенное представление об истории и потенциале развития «культурно-исторической гештальт-психологии», одного из самых ярких, наименее понятных и исследованных, и потенциально исключительно важных проектов в истории психологии 20, а то и 21 века.

Эпилог

То, что казалось «началом прекрасной дружбы» (the beginning of a beautiful friendship), оказалось и ее концом. И в самом деле, лето 1936 года ознаменовалось расцветом, высшей точкой и, одновременно, закатом «культурно-исторической гештальт-психологии» в ее топологической модификации Курта Левина. В конце 1936 года пресеклась переписка между советскими исследователями и их западными коллегами, а внутренняя публикационная деятельность психологов в СССР была заморожена приблизительно на два года, печально известных как годы сталинского «Большого террора» (Great Purge, Great Terror). В 1938 году начался публикационный бум психологической литературы в Советском Союзе, но не стоит искать следов союза «выготскианцев» и «левиновцев» в публикациях этого периода: и Выготский, и Левин редкие гости в работах советских психологов двух-трех предвоенных лет. В 1939 г. началась Вторая мировая война, и вся система международных отношений претерпела существенные изменения, что весьма ощутимо сказалось на международной активности и коммуникациях ученых по всему земному шару. Сороковые годы ознаменовались чередой невосполнимых потерь для гештальт-психологии: в 1940 году покончил с собой Карл Дункер, в 1941 году скончался Курт Коффка, в 1943 – Макс Вертхаймер, а в 1947 – Курт Левин. В 1946 году, 5 марта, британский премьер-министр Уинстон Черчилль произнес свою знаменитую «фултоновскую речь» (Fulton speech), в которой была сформулирована новая реальность геополитики послевоенного мира: поперек Европы опустился «Железный занавес» (The Iron Curtain)⁵⁹. Началась эпоха Свехдержав и Холодной войны.

⁵⁸ В английском переводе Кинга и Вертхаймера: «At the moment I am occupied experimentally with two questions; one concerns the general laws of psychological development; we are interested primarily in how during psychological development the meaningful representation of the world (which we see in the meaning of action and language) evolves, how in the course of the learning process there occurs a reorganization of the world of meaning and of psychological functions, and how learning can lead to a reorganization of the interrelation of the psychological functions. [We have succeeded, with artificial intervention in identical twins, in obtaining very interesting displacements of psychological structures.

The second [issue] in which I am primarily engaged is the destruction of the world of meaning and of the construction of psychological functions with brain damage. Here too we succeeded in finding methods of analysis of the meaning of a word, of the living semantic syntax of language, which have become a good indicator of the decline of brain capability and which show a lawful deterioration with brain injuries. The pathological semantics, syntax, and functional structures of the psyche constitute the second part of the problem field with which we are very concerned here».

⁵⁹ Ср.: «From Stettin in the Baltic to Trieste in the Adriatic, an Iron Curtain has descended across the continent. Behind that line lie all the capitals of the ancient states of Central and Eastern Europe. Warsaw, Berlin, Prague, Vienna,

А что же, спрашивается, «культурно-историческая гештальт-психология»? В результате, это интереснейшее направление психологической мысли основательно мутировало: лишилось ссылок на свои исторические корни; утратило целый ряд исключительно ценных идей и экспериментальных практик, но при этом и, с другой стороны, обогатилось некоторыми весьма интересными идеями отечественного производства, например, разработками в области так называемой «физиологии активности» Н.А. Бернштейна; порой существенно видоизменило базовую терминологию и обрело характерный квази-марксистский сленг. Таким образом, получившийся в результате всех этих трансформаций гибрид и мутант с середины 1960х годов пустил свои корни в номенклатуре научных дисциплин и должностных назначений и под именем психологической «теории деятельности» воцарился на вершине академического Олимпа в Советском Союзе.

Список аббревиатур

АНАР – Archives of the History of American Psychology, University of Akron
APS – American Philosophical Society
NYPL – New York Public Library
CU – University of Colorado
АРАН – Архив Российской академии наук

Использованные архивные материалы

Переписка Лурии и Левина: архив Левина, АНАР; тж. опубликована с небольшими неточностями в (Métraux, 2002)
Переписка Лурии и Коффки: архив Коффки и архив Харроуер, АНАР
Переписка Лурии и Кёлера: архив Левина, APS; тж. одно письмо опубликовано в (Е. А. Лурия, 1994)
Переписка Лурии и Вертхаймера: архив Вертхаймера в NYPL & CU; опубликована в (King & Wertheimer, 2005)
Архив Дембо: университет Кларк (Clark University)
Переписка Выготского с его сотрудниками в Советском Союзе: см. публикации архивных документов (Rückriem, 2008; Vygotsky & Puzyrei, 2007; Выготский & Пузырей, 2004)

Литература:

1. Bargal, D. (1992). Die Verhandlungen von Kurt Lewin über die Einrichtung eines Psychologischen Instituts an der Hebräischen Universität Jerusalem. In W. Schönplflug (Ed.), *Kurt Lewin - Person, Werk, Umfeld. Historische Rekonstruktionen und aktuelle Wertungen* (pp. 185-204). Frankfurt: Peter Lang.
2. Bargal, D. (1998). Kurt Lewin and the First Attempts to Establish a Department of Psychology at the Hebrew University. *Minerva*, 36(1), 49-68.
3. Barker, R. G., Dembo, T., & Lewin, K. (1941). *Frustration and regression: An experiment with young children*. Iowa City: University of Iowa Press.
4. Bulgakowa, O. (1992). Kurt Lewin und Sergej Eisenstein. In W. Schönplflug (Ed.), *Kurt Lewin - Person, Werk, Umfeld. Historische Rekonstruktionen und aktuelle Wertungen aus Anlaß seines hundertsten Geburtstages*. Frankfurt/M., Bern, New York, Paris: Peter Lang.

Budapest, Belgrade, Bucharest and Sofia, all these famous cities and the populations around them lie in what I must call the Soviet sphere” (Winston Churchill, “Sinews of Peace” Address).

5. Cattell, J. M. (Ed.). (1930). *Ninth International Congress of Psychology held at Yale University, New Haven, Connecticut September 1st to 7th, 1929*. Princeton, NJ: Psychological Review Company.
6. Chaiklin, S. (2011). Social Scientific Research and Societal Practice: Action Research and Cultural-Historical Research in Methodological Light from Kurt Lewin and Lev S. Vygotsky. *Mind, Culture, and Activity*, 18(2), 129–147.
7. Dembo, T. (1931). Der Äger als dynamisches Problem [Anger as a dynamic problem]. *Psychologische Forschung*, 15(1), 1-144.
8. Dembo, T., & Hanfmann, E. (1933). Intuitive Halving and Doubling of Figures. *Psychologische Forschung*, 17(3/4), 306 - 318.
9. Dembo, T., & Hanfmann, E. (1934). The value of an orientation letter for newly-admitted patients. *Psychiatric Quarterly*, 8(4), 703-721.
10. Dembo, T., & Hanfmann, E. (1935). The Patient's Psychological Situation upon Admission to a Mental Hospital. *The American Journal of Psychology*, 47(3), 381 - 408.
11. Duncan, C. P. (1980). A note on the 1929 International Congress of Psychology. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 16(1), 1-5.
12. Handler, L. (1995). Maria Rickers-Ovsiankina: A Russian expatriate in America. A review of 'Rorschach Psychology'. *Journal of personality assessment*, 65(1), 169-185.
13. Hanfmann, E., & Kasanin, J. (1937). A method for the study of concept formation. *Journal of psychology*, 3, 521-540.
14. Hanfmann, E., & Kasanin, J. (1942). *Conceptual thinking in schizophrenia*. New York: Nervous and Mental Disease Monographs.
15. Hanfmann, E., Rickers-Ovsiankina, M., & Goldstein, K. (1944). Case Lanuti: Extreme Concretization of Behavior Due to Damage of the Brain Cortex. *Psychological Monographs (ed. by John F. Dashed, whole No. 264)*, 57(4), 1-72.
16. Harrower, M. (1971). A note on the Koffka papers. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 7(2), 141–153.
17. Harrower, M. (1983). *Kurt Koffka: an unwitting self-portrait*. Gainesville, FL: University of Florida Press.
18. Karsten, A. (1928). Psychische Sättigung [Mental Satiation]. *Psychologische Forschung*, 10(1), 142 - 254.
19. Karsten, A. (1928/1976). Mental satiation. In J. De Rivera (Ed.), *Field Theory as Human-Science: Contributions of Lewin's Berlin Group* (pp. 151-207). New York: Gardner Press.
20. Kasanin, J. (Ed.). (1944). *Language and thought in schizophrenia. Collected papers presented at the meeting of the American Psychiatric Association, May 12, 1939, Chicago, Illinois and brought up to date*. Berkley and Los-Angeles: University of California Press.
21. Kasanin, J., & Hanfmann, E. (1938). An experimental study of concept formation in schizophrenia. Quantitative analysis of the results. *American journal of psychiatry*, 95(35-48).
22. King, D. B., & Wertheimer, M. (2005). *Max Wertheimer and Gestalt theory*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.
23. Koffka, K. (1912). *Zur Analyse Der Vorstellungen Und Ihrer Gesetze. Eine Experimentelle Untersuchung*. Leipzig: Verlag von Quelle & Meyer.
24. Koffka, K. (1921). *Die Grundlagen Der Psychischen Entwicklung: Eine Einführung in Die Kinderpsychologie*. Osterwieck a. Harz: A. W. Zickfeldt.
25. Koffka, K. (1921/1924). *The growth of the mind. An introduction to child-psychology*. London: Routledge & Kegan Paul.
26. Koffka, K. (1924). Introspection and the Method of Psychology. *British Journal of Psychology*, 15(2), 149-161.
27. Koffka, K. (1935). *Principles of Gestalt Psychology*. London: Routledge and Kegan Paul.

28. Köhler, W. (1917). *Intelligenzprüfungen an Anthropoiden*. Berlin: Verlag der Königlichen Akademie des Wissens.
29. Köhler, W. (1920). *Die physischen Gestalten in Ruhe und im stationären Zustand. Eine naturphilosophische Untersuchung*. Braunschweig: Friedrich Vieweg & Sohn.
30. Köhler, W. (1921). *Intelligenzprüfungen an Menschenaffen [Testing the intelligence of anthropoid apes]*. Berlin: Julius Springer.
31. Köhler, W. (1921/1926). *The mentality of apes*. New York, NY: Narcourt Brace.
32. Lewin, K. (1929/1930). Die Auswirkung von Umweltkräften. In J. M. Cattell (Ed.), *Ninth International Congress of Psychology held at Yale University, New Haven, Connecticut September 1st to 7th, 1929* (pp. 286-288). Princeton, NJ: Psychological Review Company.
33. Lewin, K. (1933). Theorie des Schwachsinnns. In *Hommage au Dr. Decroly*. Saint-Nicolas-W.: Scheerders-Van Kerckhove.
34. Lewin, K. (1935a). *A Dynamic Theory of Personality*. New York & London: McGraw-Hill Book Company.
35. Lewin, K. (1935b). A dynamic theory of the feeble-minded. In K. Lewin (Ed.), *Dynamic theory of personality* (pp. 194-238). New York & London: McGraw-Hill Book Company.
36. Lewin, K. (1935c). Survey of the experimental investigations. In K. Lewin (Ed.), *Dynamic theory of personality* (pp. 239-273). New York & London: McGraw-Hill Book Company.
37. Lewin, K. (1936). *Principles of Topological Psychology*. New York & London: McGraw-Hill Book Company.
38. Lück, H. E. (2001). *Kurt Lewin: Eine Einführung in sein Werk*. Weinheim: Beltz.
39. Lück, H. E., & van Elteren, M. (1990). Kurt Lewin's films and their role in the development of field theory. In S. A. Wheelan, E. A. Pepitone & V. Abt (Eds.), *Advances in field theory* (pp. 38-61). Newbury Park/London/New Delhi: Sage Publications.
40. Luria, A. R. (1929/1930). The new method of expressive motor reactions in studying affective traces. In J. M. Cattell (Ed.), *Ninth International Congress of Psychology held at Yale University, New Haven, Connecticut September 1st to 7th, 1929* (pp. 294-296). Princeton, NJ: Psychological Review Company.
41. Luria, A. R. (1931a). Psychological expedition to Central Asia. *Science*, pp. 383-384.
42. Luria, A. R. (1931b). Psychologische Expedition nach Mittelasien. *Zeitschrift für angewandte Psychologie*, 40, 551-552.
43. Luria, A. R. (1932a). Psychological expedition to Central Asia. *Journal of Genetic Psychology*, pp. 241-242.
44. Luria, A. R. (1932b). [Report from] Russia. *Character and Personality*, 1(1), 82.
45. Luria, A. R. (1933). The second psychological expedition to Central Asia. *Science*, pp. 191-192.
46. Luria, A. R. (1934). The second psychological expedition to Central Asia. *Journal of Genetic Psychology*, pp. 255-259.
47. Luria, A. R. (1935a). L.S. Vygotsky. *Character and personality*, pp. 238-240.
48. Luria, A. R. (1935b). Professor L.S. Vygotsky (1896-1934). *Journal of Genetic Psychology*, pp. 224-226.
49. Luria, A. R. (1935c). [Report from] Russia. *Character and Personality*, 3(4), 350-351.
50. Luria, A. R. (1936). The development of mental functions in twins. *Journal of personality*, 5(1), 35-47.
51. Luria, A. R. (1937). Vues psychologiques sur le développement des états oligophrènes. In M. Leconte (Ed.), *Premier Congrès international de psychiatrie infantile. Paris, 24 juillet au 1er août 1937* (Vol. IV. Comptes rendus, pp. 135-145). Lille: S.I.L.I.C.

52. Luria, A. R. (1976). *Cognitive development: its cultural and social foundations*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
53. Marrow, A. J. (1969). *The practical theorist: The life and work of Kurt Lewin*. New York: Basic Books.
54. Métraux, A. (2002). Alexandr Lurijas Briefe an Lewin *Mitteilungen der Luria-Gesellschaft*, 9, 23-43.
55. Murchison, C. (Ed.). (1932). *The psychological register* (Vol. 3). Worcester, MA: Clark University Press.
56. Rosa, A., & Wertsch, J. V. (1993). Tamara Dembo and her work. An introduction. *Journal of Russian and East European Psychology*, 31(6), 5–13.
57. Rückriem, G. (2008). *Lev Semënovič Vygotskij. Briefe/Letters. 1924–1934*. Berlin: Lehmanns Media.
58. Scheerer, R. (1980). Gestalt psychology in the Soviet Union. *Psychological Research*, 41(2-3), 113-132.
59. Todes, D., & Kremontsov, N. (2010). Dialectical materialism and Soviet science in the 1920s and 1930s. In W. Leatherbarrow & D. Oxford (Eds.), *A History of Russian Thought* (pp. 340-367). Cambridge: Cambridge University Press.
60. Van der Veer, R. (2000). Tamara Dembo's European years: Working with Lewin and Buytendijk. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 36(2), 109-126.
61. Van der Veer, R., & Zavershneva, E. (2010). *Vygotsky in London. Paper presented at the 29th Annual Conference of the European Society for the History of the Human Sciences (ESHHS), Utrecht, Netherlands*.
62. Van Elteren, M. (1992). Kurt Lewin as filmmaker and methodologist. *Canadian Psychology*, 33(3), 599-608.
63. Vygotsky, L. S. (1939). Thought and speech. *Psychiatry*, 2, 29-54.
64. Vygotsky, L. S. (1962). *Thought and language*. Cambridge: M.I.T. Press, Massachusetts Institute of Technology.
65. Vygotsky, L. S., & Luria, A. R. (1929/1930). The function and fate of egocentric speech. In J. M. Cattell (Ed.), *Ninth International Congress of Psychology held at Yale University, New Haven, Connecticut September 1st to 7th, 1929* (pp. 464-465). Princeton, NJ: Psychological Review Company.
66. Vygotsky, L. S., & Puzyrei, A. A. (2007). Letters to students and colleagues. *Journal of Russian and East European Psychology*, 45(2), 11-60.
67. Wertheimer, M. (1920). *Über Schlussprozesse im produktiven Denken*. Berlin: De Gruyter.
68. Wertheimer, M. (1925). *Drei Abhandlungen zur Gestalttheorie*. Erlangen: Verlag der Philosophischen Akademie.
69. Woodward, W. R. (2010). Russian women émigrées in psychology: Informal Jewish networks. *History of Psychology*, 13(2), 111-137.
70. Yasnitsky, A. (2009). *Vygotsky Circle during the Decade of 1931-1941: Toward an Integrative Science of Mind, Brain, and Education. Ph.D. dissertation, University of Toronto*.
71. Yasnitsky, A. (2011). Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 45(4), 422-457.
72. Авербух, Е. С. (1936). О запоминании законченных и незаконченных действий при маниакально-депрессивном психозе (опыт изучения аффективно-волевой сферы больных маниакально-депрессивным психозом). In В. П. Осипов & О. С. Фридман (Eds.), *Советская невропсихиатрия. Сборник трудов. Т. I*. Ленинград: ОГИЗ.
73. Ахутина, Т. В. (2012, в печати). До Харькова и Харьков: два документа из архива А.Р. Лурия. *Вопросы психологии*.

74. Биренбаум, Г. В. (1934). К вопросу об образовании переносных и условных значений слова при патологических изменениях мышления. In М. Кроль & Н. Проппер (Eds.), *Новое в учении об апраксии, агнозии и афазии* (pp. 147-164). Москва: Государственное медицинское издательство.
75. Биренбаум, Г. В., & Зейгарник, Б. В. (1935). К динамическому анализу расстройств мышления. *Советская невропатология, психиатрия и психогигиена*, 4(6), 75–98.
76. ван дер Веер, Р., & Завершнева, Е. (2012). «То Moscow with love»: Реконструкция поездки Л.С. Выготского в Лондон. *Вопросы психологии*(3), 89-105.
77. Выгодская, Г. Л., & Лифанова, Т. М. (1996). *Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету*. М.: Смысл.
78. Выготский, Л. С. (1926). По поводу статьи К. Коффка о самонаблюдении (Вместо предисловия). In К. Н. Корнилов (Ed.), *Проблемы современной психологии. Сборник статей сотрудников Московского государственного института экспериментальной психологии* (pp. 176-178). Ленинград: Государственное издательство.
79. Выготский, Л. С. (1935). Проблема умственной отсталости. In Л. С. Выготский & И. И. Данюшевский (Eds.), *Умственно отсталый ребенок* (pp. 7-34). Москва: Учпедгиз.
80. Выготский, Л. С. (1935/1956). Проблема умственной отсталости. In Л. С. Выготский (Ed.), *Избранные психологические исследования* (pp. 453-480). Москва: АПН РСФСР.
81. Выготский, Л. С. (1982). Исторический смысл психологического кризиса. Методологическое исследование. In *Выготский, Л.С. Собрание сочинений. Том первый. Вопросы теории и истории психологии* (pp. 291-436). Москва: Педагогика.
82. Выготский, Л. С. (2004). Письма к ученикам и соратникам. *Вестник МГУ. Серия 14. Психология*, 3, 3-40.
83. Выготский, Л. С. (2007). Записная книжка. Октябрь 1932 года [Electronic Version]. *Новое литературное обозрение*, 91-99 from <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/vyg8.html> & <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/503/512//503/510/>.
84. Выготский, Л. С., & Пузырей, А. А. (2004). Письма к ученикам и соратникам. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 3-40.
85. Гальперин, П. Я. (1934). Психологический сектор. In М. А. Гольденберг (Ed.), *Всеукраинская Психоневрологическая Академия. Сборник Материалов. Научная деятельность* (Vol. 1, pp. 33-36). Харьков: УПНА.
86. Гуревич, К. М. (2003). «Секрет его обаяния был прост: то, о чем он говорил, — это была... психология жизни». *Журнал практического психолога*, 1.
87. Дембо, Т. (1931/2001). Гнев как динамическая проблема. In Д. А. Леонтьев & Е. Ю. Патяева (Eds.), *Левин К. Динамическая психология: Избранные труды* (pp. 534-570). М.: Смысл.
88. Завершнева, Е. (2007). «Путь к свободе» (К публикации материалов из семейного архива Л.С. Выготского) [Electronic Version]. *Новое литературное обозрение* from <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/> & <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/503/510/>.
89. Завершнева, Е. (2009). Исследование оригинала рукописи Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса». *Вопросы психологии*(6), 119-137.
90. Завершнева, Е., & Осипов, М. (2010). Основные поправки к тексту «Исторический смысл психологического кризиса», опубликованному в 1982 г. в собрании сочинений Л.С. Выготского. *Вопросы психологии*(1), 92—103.
91. Занков, Л. В. (1935). *Очерки психологии умственно отсталого ребенка*. Москва: Учпедгиз.
92. Зейгарник, Б. В. (1934). К проблеме понимания переносного смысла слов или предложения при патологических изменениях мышления. In М. Кроль & Н. Проппер (Eds.),

Новое в учении об апраксии, агнозии и афазии (pp. 132-146). Москва: Государственное медицинское издательство.

93. Зейгарник, Б. В. (1981). *Теория личности Курта Левина*. Москва: МГУ.
94. Зейгарник, Б. В., & Биренбаум, Г. В. (1935). К проблеме смыслового восприятия. *Советская невропатология, психиатрия и психогигиена*, 4(6), 57-74.
95. Кагановская, Э. С., & Зейгарник, Б. В. (1935). К психопатологии негативизма при эпидемическом энцефалите. *Советская невропатология, психиатрия и психогигиена*, 4(8), 65-80.
96. Карстен, А. (1928/2001). Психическое насыщение. In Д. А. Леонтьев & Е. Ю. Патяева (Eds.), *Левин К. Динамическая психология: Избранные труды* (pp. 496-533). М.: Смысл.
97. Кёлер, В. (1930). *Исследование интеллекта человекообразных обезьян* (Л. В. Занков & И. М. Соловьев, Trans.). Москва: Издательство Коммунистической академии.
98. Коффка, К. (1926). Самонаблюдение и метод психологии. In К. Н. Корнилов (Ed.), *Проблемы современной психологии. Сборник статей сотрудников Московского государственного института экспериментальной психологии* (pp. 179-192). Ленинград: Государственное издательство.
99. Коффка, К. (1932). Преодоление механистических и виталистических течений в современной психологии. *Психология*, 5(3), 59-69.
100. Коффка, К. (1934). *Основы психического развития* (Р. и. Б. Левин, Trans.). Москва-Ленинград: Соцэкгиз.
101. Лебединский, М. С. (1940). Динамическая характеристика действий шизофреников. *Советская психоневрология*, 16(1), 57-66.
102. Леонтьев, А. Н. (1931). *Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций*. М.; Л.: Учпедгиз.
103. Леонтьев, А. Н. (1993). Воля. *Вестник Московского Университета. Серия 14, Психология*, 2, 3-14.
104. Леонтьев, А. Н., & Розенблюм, А. И. (1935/1999). Психологическое исследование деятельности и интересов посетителей Центрального Парка культуры и отдыха имени Горького (Предварительное сообщение). In А. Е. Войскунский, А. Н. Ждан & О. К. Тихомиров (Eds.), *Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева* (pp. 370-425). Москва: Смысл.
105. Леонтьев, Д. А., & Патяева, Е. Ю. (2001). Курт Левин - методолог научной психологии. In Д. А. Леонтьев & Е. Ю. Патяева (Eds.), *Левин, К. Динамическая психология. Избранные труды* (pp. 3-20). Москва: Смысл.
106. Лурия, А. Р. (1926). Московский государственный институт экспериментальной психологии в 1924 году. In К. Н. Корнилов (Ed.), *Проблемы современной психологии. Сборник статей сотрудников Московского государственного института экспериментальной психологии* (pp. 244-252). Ленинград: Государственное издательство.
107. Лурия, А. Р. (1930). Международный конгресс психологов в Америке (1-7 сентября 1929 г.). *Научное слово*, 4, 83-99.
108. Лурия, А. Р. (1971). Психология как историческая наука. In Б. Ф. Поршнев & Л. И. Анциферова (Eds.), *История и психология* (pp. 36-62). Москва: Наука.
109. Лурия, А. Р. (1974). *Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование*. Москва: Наука.
110. Лурия, Е. А. (1994). *Мой отец А. Р. Лурия*. Москва: Гнозис.
111. Люк, Х. (2010). Групповые процессы в научных исследованиях (на примере «Топологической группы» Курта Левина). *Методология и история психологии*, 5(3), 77-89.
112. Меерович, Р. И. (1935a). Особенности процесса работы больных в маниакальном состоянии. *Советская невропатология, психиатрия и психогигиена*, 4(9-10).

113. Меерович, Р. И. (1935b). Психологический анализ тенденции завершения при прогрессивном параличе. *Советская невропатология, психиатрия и психогигиена*, 4(1).
114. Меерович, Р. И. (1935с). Экспериментальный анализ кривой работоспособности больных с маниакальным и депрессивным синдромами. *Советская невропатология, психиатрия и психогигиена*, 4(1).
115. Меерович, Р. И., & Кандаратская, К. М. (1936). Уровень притязания у детей-истериков. In В. Н. Мясищев (Ed.), *Психические особенности трудновоспитуемых и умственно отсталых детей. Труды Института мозга им. Бехтерева. Т. 5.* Ленинград: Институт мозга им. Бехтерева.
116. Меерович, Р. И., & Плотникова, Е. Е. (1936). Успех и неуспех и его влияние на уровень притязаний при истерии. In В. П. Осипов & О. С. Фридман (Eds.), *Советская невропсихиатрия. Сборник трудов. Т. 1.* Ленинград: ОГИЗ.
117. Мясищев, В. Н. (1935). Работоспособность и болезни личности. *Советская невропатология, психиатрия и психогигиена*, 4(9-10), 37-50.
118. Мясищев, В. Н. (1936). Личность и труд аномалийного ребенка. *Труды Института мозга им. В. М. Бехтерева. Л.*
119. Самухин, Н. В. (1935). К вопросу структуры органической деменции. *Советская невропатология, психиатрия и психогигиена*, 4(9-10), 255.
120. Самухин, Н. В., Биренбаум, Г. В., & Выготский, Л. С. (1934). К вопросу о деменции при болезни Пика. Клиническое и экспериментально-психологическое исследование. *Советская невропатология, психиатрия и психогигиена*, 3(6), 97-136.
121. Соловьев-Элпидинский, И. М. (1935). О так называемом «психическом насыщении» и его особенностях у умственно отсталых детей. In Л. С. Выготский & И. И. Данюшевский (Eds.), *Умственно отсталый ребенок* (pp. 97-174). Москва: Учпедгиз.
122. Фейгенберг, И. М. (2004). *Николай Бернштейн: от рефлекса к модели будущего.* Москва: Смысл.
123. Хвиливицкий, Т. Я. (1935). Отношение к работе и его роль в развитии кривой работы психоневротика. *Советская невропатология, психиатрия и психогигиена*, 4(9-10).
124. Ярошевский, М. Г., & Зейгарник, Б. В. (1988). В школе Курта Левина: Из бесед с Б.В. Зейгарник. *Вопросы психологии*, 3, 172—179.
125. Ясницкий, А. (2010). Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920-30-х гг. *Вопросы психологии*, 3, 101-112.
126. Ясницкий, А. (2012а). Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и «импорт» психологии. *Вопросы психологии*, 1, 100-112.
127. Ясницкий, А. (2012b). Реконструкция поездки А.Р. Лурии на IX Международный психологический конгресс. *Вопросы психологии*, 4.

Поступила в редакцию: 21.12.2011 г.

Сведения об авторе

А. Ясницкий (А. Yasnitsky) – младший научный сотрудник, университет Торонто (University of Toronto), Канада.
E-mail: anton.yasnitsky@gmail.com